Зиновьев

ПРОБЛЕМЫ Германской РЕВОЛЮЦИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН131
П895

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Г. Зиновьев

Е.Н131
П895 К+

ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◆ МОСКВА ◆ 1923

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

ГПП. Москва, Милютинский пер., 22.

К. ЦЕТКИН.

Наступление фашизма и задачи пролетариата.

Доклад т. К. Цеткин на расширенном Пленуме Исполкома Коминтерна.

Стр. 48.

СОДЕРЖАНИЕ: Что толкает на путь фашизма? В стране классического фашизма. Орудия развращения и порабощения пролетариата Что сулил и что дал фашизм? Противоречия и распад фашизма. Какие выводы надлежит нам сделать?

Цена 20 коп.

Юз. КРАСНЫЙ.

ПОЛЬСКИЙ ФАШИЗМ.

Стр. 43.

СОДЕРЖАНИЕ: Международная контр-революция и Польша. Из прошлого польского фашизма. Польские фашистские организации. К характеристике общественной жизни в Польше. Выводы и перспективы.

Цена 25 коп.

К. РАДЕК.

Перед новой волной революционных потрясений.

(Две речи). Стр. 83.

I. Международное политическое положение (из доклада на расширенном Пленуме Коминтерна, произнесенного 15 авг. 1923 г.). Ответ Коминтерна лорду Керзону. Крушение планов Ллойд-Джорджа. Англо-американское соглашение о долгах. Рурский вопрос и Англия. Англо-русский конфликт. Лозанна. Ликвидация Вашингтонского соглашения. Задачи Коммунистического Интернационала.

II. Ослабление наступления капитала и задачи Коминтерна. Международное положение. Борьба в лагере буржуазии. Растущее сопротивление рабочего класса. Гаага и Гамбург. Проблема единого фронта. Вопрос о политическом союзе. Отношение к фашизму. Накануне новых схваток.

Цена 60 коп.

Грядущая германская революция и рабочий класс России.

Речь тов. Радека, произнесенная на заседании Моск. Совета Р. и К. Д. 28 августа.

СОДЕРЖАНИЕ: Последнее правительство буржуазной Германии Что дала германскому пролетариату коалиция с буржуазией? Буржуазная республика не дала рабочим хлеба. Буржуазная республика не обеспечила Германии мира. Опасность белого переворота. Перспектива правительства Штреземана и Гильфердинга. Путь германского пролетариата. Советская Россия и герм. революция.

Цена 15 коп.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР и ВЦИК".

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГ. СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА: МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Г. Зиновьев

ЕН 131
П 895

ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

ЕН131
П895
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
(1 2 29 ~~3822 с.1~~
27)
~~СФ~~
~~3631~~
1057964

Главлит № 15.349. Тираж 25.000 экз.

„Мосполиграф"—20-я типогр. „Красный Пролетарий", Пименовская ул., 1/16.

Предисловие.

В момент, когда мы пишем эти строки, революционное движение в Германии переживает новые трудности. Господа социал-демократы чувствуют себя победителями. В революционном лагере кое-где происходит замешательство.

Но было бы величайшей бесхарактерностью впасть в уныние по поводу временных неудач. Путь германской революции поистине не устлан розами. Германский пролетариат имеет против себя умнейшего противника в лице германской буржуазии, которая превосходно сорганизована и действует с величайшей ловкостью. Еще более опасным противником для пролетариата является германская социал-демократия, которая,—надо ей отдать в этом справедливость,—выказала невиданную эластичность и приспособляемость, выдвигая то свое правое, то свое «левое» крыло, то «центр», сегодня вступая в буржуазное правительство, завтра выступая из него и разыгрывая комедию «оппозиции», сегодня принимая почти «революционные» резолюции, завтра выступая самым верным отрядом контр-революции. Бороться против такого противника нелегко. Отдельные поражения неизбежны, но на них-то германский пролетариат и закалится и подготовит свою окончательную победу.

Из Гамбурга, где рабочие дрались с таким героизмом, нам сообщают: «Полиция, конечно, свирепствует во-всю, но ни организация, ни рабочий класс разбитыми себя не чувствуют». Сознает это и буржуазия. Сегодняшний номер

«Гамбургишер Корреспондент» (орган г. Куно) поместил статью под характерным заголовком: «После победы подпоясывайся потуже».

Вот именно. Еще несколько таких «побед», и рабочий класс на-голову разобьет буржуазию!

Лозунг «подпоясывайся потуже» подойдет и для нас.

Объективные причины, вызвавшие революционный кризис в Германии, продолжают действовать. Ни Кар, ни генерал Мюллер, ни Гитлер, ни даже «сам» Штреземан этих объективных причин уничтожить не могут. Экономический кризис обостряется с каждым днем. Буржуазия не может править. Внутренние противоречия тоже обостряются. А международное положение буржуазной Германии не только не становится лучше, но ухудшается с большой быстротой.

«Подпоясывайся потуже», т.-е., рабочий, вооружайся и улучшай свою организацию! Вот пароль наших дней.

Если бы нужно было самым кратким образом формулировать задачи, стоящие перед германским пролетариатом в настоящую эпоху, мы сказали бы, что этих задач две: 1) ликвидировать влияние «левой» социал-демократии и 2) «организовать революцию».

Объяснимся.

Некоторые товарищи полагают, что тактика германской компартии в Саксонии была ошибкой. «Саксония—это крупная и, быть-может, роковая ошибка»,—так пишет нам один из старых товарищей из Германии.

Верен ли этот диагноз? Нет!

Те, кто смотрели на все положение в Германии исключительно через саксонские очки, разумеется, впадали в провинциализм и искажали перспективу. Но все же саксонский опыт был неслучаен, и он не пропадет для германской революции. Задача всех задач в Германии, в конце-концов, сводится к тому, чтобы отвоевать на нашу сторону те слои рабочих (в том числе и беспартийных), которые идут еще за «левыми» социал-демократами. В настоящее время так-называемая левая социал-демократия, несомненно, еще пользуется значительным влиянием среди германских рабочих. Нынешняя левая играет, примерно, ту же роль, какую

в 1919—20 годах сыграли независимые. Как за якорь спасения за нынешнюю левую социал-демократию хватаются еще все те слои пролетариата, которые все еще надеются обойтись без кровавой гражданской войны. И эти слои рабочих возложили бы ответственность на нас, коммунистов, если бы мы отказались попытаться вместе с «левыми» социал-демократами мирным путем вывести страну из кризиса. Значение саксонской попытки в том и заключается, что на ее примере указанные слои рабочих должны будут понять бесхарактерность и контр-революционную дрянность этих «левых» с.-д. вождей.

Иллюзиям относительно возможности длительного и прочного союза с «левыми» с.-д. должен быть положен конец. Такой породы в Германии среди «вождей» нет. Есть эдеки, готовые при известных обстоятельствах итти на парламентские комбинации с коммунистами, но нет с.-д. вождей, готовых итти на решительную борьбу с германской буржуазией.

Мы не знаем, и никто не может знать, как долго протянется то интермеццо, которое создается нынешним соотношением сил. Но центр тяжести всей политической работы германской компартии, пока длится нынешнее положение, заключается в том, чтобы как можно скорее, как можно радикальнее ликвидировать влияние «левой» с.-д. Это в настоящее время одна из важнейших, пожалуй, самая важная политическая предпосылка нашей победы.

Другая задача заключается в том, чтобы «организовать» революцию.

Мы сейчас поясним этот термин.

Еще накануне революции 1905 года, когда только еще разгорались споры между большевиками и меньшевиками в России, обе фракции выдвинули две кратких лапидарных формулы, которые лучше всего характеризовали тактику каждой из этих фракций. Наиболее революционные из тогдашних меньшевиков (Мартов) выдвигали формулу: «развязать революцию». Большевики, с Лениным во главе, противопоставили этой формуле формулу: «организовать революцию». И чем ближе приближалось восстание 1905 го-

да, тем увереннее звучало это требование большевиков— «организовать революцию». А в 1917 году, чем ближе придвигались мы к октябрю, тем чаще вспоминали мы эту формулу—«организовать революцию».

Разумеется, со стороны меньшевиков не было недостатка в обвинениях по нашему адресу в бланкизме, путчизме, ткачевщине и т. п. Но мы предоставляли меньшевикам говорить, что им угодно, а сами делали то дело, которое считали необходимым.

Если вы не зря разглагольствуете о революции, если ваши слова о «развязывании» революции не являются только словами, то вы должны вместе с нами перейти именно к организации революции,—говорили мы меньшевикам.

Революция и восстание не являются синонимами. Восстание есть только часть революции, но зато немаловажная, решающая ее часть. Кто хочет победы революции, тот должен хотеть победы восстания. А кто хочет этого последнего, тот должен суметь организовать это восстание.

Разумеется, никакая организация не заменит объективных сил, работающих на революцию, если вся ситуация не революционна. Если все соотношение классов не приводит с неизбежностью к революционному кризису, то никакая организация революционеров не сможет «сделать» революцию. Но зато, если все объективные предпосылки для революции налицо, если соотношение классов, если экономическое положение внутри страны, если другие важные факторы внутренней и внешней политики работают на революцию, то организационная подготовка восстания имеет решающее значение.

Германская революция вошла в этом отношении в решающую фазу. Догорели огни, облетели цветы. Безжалостно рассеяны все иллюзии. Вопрос победы пролетариата стал вопросом вооружения и организации. Среди миллионных масс рабочих проснулась жгучая потребность в вооружении. Все средние пути исхожены, все компромиссы испытаны, вся белая магия правых и «левых» социал-демократов, все парламентские фокусы испробованы и в результате— стена, голод, потоки крови, разгул фашизма. Организовать революцию,—вот на что германская компартия

должна направить внимание передовиков рабочего класса, вот на что должна она употребить все то время, какое еще остается в ее распоряжении до решающих битв.

Лозунг «всеобщая стачка» брошен. Германия с неизбежностью идет к этой всеобщей стачке.

Лозунг единства снизу, т.-е. единства рабочих против контр-революционных вождей, брошен. Германия с неизбежностью идет к этому единству снизу.

Разумеется, известные части рабочих так и останутся нейтральными или колеблющимися до самого последнего момента. Конфигурация сил в решающий момент, вероятно, будет такая: коммунистический авангард увлекает за собою большинство или почти большинство решающих слоев рабочих. Часть остальных рабочих соблюдает благожелательный нейтралитет по отношению к коммунистам, другая колеблется. Правые вожди с.-д. находятся по одну сторону баррикады с буржуазией и белыми генералами, «левые» вожди мечутся между двух огней...

Уже белый переворот в Баварии означал, что инициатива на-время переходит в руки противника. Но в том-то и дело, что при сложившемся положении вещей в Германии противник будет работать на нас. Генерал Мюллер, пожалуй, скорей излечит от мирных иллюзий ту часть саксонских рабочих, которая шла еще за «левым» с.-д. Цейгнером.

События бегут с головокружительной быстротой. Задачи, которые ложатся на авангард германского пролетариата и его коммунистическую партию, поистине грандиозны. Отдельные поражения были и еще будут. Боев с рейхсвером наши рабочие пока еще не выдерживали. Но главные наши силы в битвах еще не участвовали. Основные армии пролетариата в бой еще не введены. Худшее, что мы могли бы сделать, это—дать власть брюзжанию и внутренним раздорам. Никогда еще эти раздоры не были так вредны и преступны, как сейчас... Ошибки неизбежны. Но если мы не наделаем очень больших ошибок, то соотношение сил с каждым днем будет меняться в нашу пользу.

Основная перспектива, намеченная в нашей брошюре, писанной во вторую половину октября, остается, мы надеемся, правильной.

Несгибаемая воля к борьбе, непоколебимость решения, твердость руки и ясность взгляда—вот что необходимо авангарду германских пролетариев в настоящий момент.

«Левая» социал-демократия вскоре будет политически бита. Германская компартия при поддержке всех живых сил германского пролетариата научится «организовывать» революцию. Пробьет час, и свершатся события, которые исторически неизбежны. Нет той силы в мире, которая могла бы отвратить от германской буржуазии ее судьбу.

Никто не вырвет из наших рук победу...

I.

Классически-пролетарский характер грядущей германской революции.

События в Германии развиваются с неумолимостью рока. Путь, который русская революция прошла в течение 12 лет, с 1906 г. по 1917 г., германская революция прошла в течение 5 лет,—1918—1923 гг. В последние дни события бегут особенно быстро. Просто «коалиция», «широкая коалиция», корниловщина (баварские события), «деловое министерство», личные кандидатуры (в роде наших Кишкина и Бурышкина), снова почти широкая «коалиция»—беспрестанная министерская чехарда. Это «наверху». А внизу, в глубочайших народных массах, клокочет недовольство, закипает борьба, которая в очень близкий срок решит судьбу Германии. Пролетарская революция стучится в двери Германии. Только слепой может этого не видеть.

Надвигающиеся события будут иметь всемирно-историческое значение. Пройдет немного времени, и каждому станет ясно, что осенние месяцы 1923 г. являлись переломным пунктом не только в истории Германии, но, через нее, и в истории всего человечества. Трепетными руками германский пролетариат перелистывает важнейшую страницу в истории мировой борьбы рабочего класса. Бьет час. Начинается новая глава мировой пролетарской революции.

Каково будет социальное содержание грядущей германской революции? Какой класс будет главным носителем ее, ее ге-

гемоном? Присмотримся, прежде всего, к социальному составу населения Германии. Из 59,4 миллионов населения, которые Германия насчитывала к 1920 г., взрослое население распределялось следующим образом [1]):

Сельское и лесное хозяйство	9.825.000
Индустрия и горная промышленность	14.570.000
Торговля, транспорт и гостиницы	5.000.000
Личное услужение	330.000
Обществ. работы и свободн. профес.	2.440.000
Без профессии	1.700.000
Итого	33.865.000

Так-называемые «самостоятельные», т.-е. значительная часть собственников, отнесены к группе «без профессии» или «не занятых».

---

[1]) Приводимые ниже данные заимствованы из изданного Коммунистическим Интернационалом „Ежегодника“ на 1922—23 г. (Jahrbuch für Wirtschaft, Politik und Arbeiterbewegung 1922—23. Verlag der Kommunistische Internationale, Hamburg, стр. 613 и 614). В том же „Ежегоднике“ в статье тов. К. Варга „Klassengliederung“ (стр. 226) („Классовая дифференция“) находим для Германии следующие данные:

Господствующ. класс.	Полупролетариат.	Рабочие и служащие-пролетарии.
4.400.000	3.500.000	26.000.000

Последняя официальная промышленная перепись в Германии имела место в 1907 г. Перепись эта дала следующие цифры:

Общее число населения в Германии	55.765.460
Из этого числа было:	
занятых в производстве и торговле	26.176.168
без профессии	3.404.983
Группа занятых в производстве, в свою очередь, состояла из:	
самостоятельных	5.801.365
рабочих	14.250.982
членов их семей, тоже принимающих участие в производстве	4.287.883
домашней прислуги	1.042.129
Итого пролетарского населения	19.581.094
„ служащих	1.588.168

Так как с 1907 г. население Германии возросло на 10 проц., а процесс концентрации капитала и пролетаризация средних слоев населения продолжались весьма быстрым темпом, то данные, приводимые „Ежегодником“, должны быть очень близки к истине.

Заметим, наконец, что в данных „Ежегодника“ в состав каждой группы входят также „члены семей, принимающие участие в производстве“; кроме того, данные эти имеют в виду всю Германию, включая области, занятые французами.

Картина становится еще яснее, если привести данные, более подробно обрисовывающие классовую дифференциацию населения внутри каждой из вышеприведенных групп. Следующая таблица ярче всего, как рентгеновскими лучами, освещает социальный костяк современной Германии:

Наименование.	Самостоят.	Полупролет.	Служащие.	Рабочие.
Сельское хоз.	1.180.750	1.275.500	190.500	7.172.000
Промышленность	550.000	1.200.000	1.020.000	11.800.000
Торговля	500.000	1.000.000	1.000.000	2.500.000
Личные услуги	—	—	—	330.000
Свободные профес. . . .	500.000	—	1.000.000	950.000
Не занятых	1.700.000	—	—	—
Итого . .	4.430.750	3.475.500	3.216.500	22.750.000

Итак, $4\frac{1}{2}$ миллиона «самостоятельных», $3\frac{1}{2}$ миллиона полу-пролетариев, $3\frac{1}{4}$ миллиона служащих и $22\frac{3}{4}$ миллиона рабочих. Число рабочих, даже не считая служащих и полупролетарский элемент, в два раза превышает всех остальных вместе взятых. В промышленности: $\frac{1}{2}$ миллиона хозяев, 12 миллионов рабочих, 1 с лишним миллион служащих и $1\frac{1}{4}$ миллион полу-пролетариев, полу-хозяйчиков. В сельском хозяйстве: 7 с лишним миллионов рабочих и $1\frac{1}{4}$ миллиона помещиков и крупных хозяев, $1\frac{1}{4}$ миллиона полупролетариев, 200 тысяч служащих. В торговле: $\frac{1}{2}$ милл. хозяев, $3\frac{1}{2}$ миллиона рабочих и служащих, 1 миллион полупролетариев. Свободные профессии: $\frac{1}{2}$ миллиона самостоятельных, 2 миллиона рабочих и служащих.

Социальная база грядущей революции—как на ладони. В городах абсолютное преобладание рабочих. В этом смысле рабочий класс Германии так или иначе шел за контр-революционной германской социал-демократией; пока этот класс-гигант метался в поисках «мирного» пути, стремясь избегнуть революции и обеспечить себе кусок хлеба без гражданской войны,—германская буржуазия могла быть спокойна. Вся суть «текущего момента» заключается в том, что ныне настал момент, когда этот класс-гигант убедился, что историю перехитрить невозможно, что другого пути для спасения страны и рабочего класса, кроме пути революции, не существует. С того момента, как рабочий класс Германии по-

вернулся спиной к германской социал-демократии и лицом к коммунистам, судьба Германии решена. Маленькие отсрочки возможны. Те или другие варианты в календарной программе грядущих германских событий тоже возможны, но только в пределах уж очень минимальных.

7 миллионов сельскохозяйственных рабочих наложат неизгладимой отпечаток на ход приближающихся решающих событий и в германской деревне. Когда пролетарской революции в России пришлось, в силу сопротивления помещичье-кулацких слоев деревни, вести настоящую войну против этих слоев, русской революции ничего не оставалось, как вооружать винтовкой городского пролетария и посылать его в деревню для вооруженной борьбы с кулаком. В лучшем случае вооруженные рабочие отряды, отправлявшиеся из городов, могли опираться на значительную поддержку крестьянской бедноты, бывших солдат-фронтовиков и т. п. В Германии дело будет и в этом отношении солиднее. Из города придется посылать в деревню только пролетарских руководителей. Основную же работу по обезвреживанию (а точнее будет сказать, по искоренению) помещичьей и кулацкой контрреволюции в деревне выполнят сами сельскохозяйственные рабочие, которые уже сейчас в большой массе сочувствуют коммунизму. Германские крестьяне-кулаки, на деле являющиеся маленькими помещиками, правда, превосходно организованы. Они попытаются оказать бешеное сопротивление пролетарскому режиму. Но кто вдумается в вышеприведенные цифры, тот не усомнится в том, на чьей стороне будет победа.

Грядущая германская революция будет классически-пролетарской; 22 миллиона рабочих—это основное ядро международного пролетариата, это основной капитал международной революции. Россия в 1917 г. имела, по самым щедрым подсчетам, 8—10 миллионов рабочих на 160 миллионов населения. Германия—более 20 милл. на 60 милл. населения. У нас это была, в конце-концов, горсточка. В Германии это—основное ядро населения, это—большинство его. Германский рабочий почти поголовно грамотен. Он прошел прекрасную школу организации. Он культурен. Он в

большом количестве участвовал в армии в годы империалистической войны, и потому из него будет лучший революционный солдат. Он прошел у социал-демократии тяжелую, но зато и многому научившую его школу.

Но главное,—германская революция имеет могучую промышленную базу. Да, германская промышленность находится сейчас в тяжелом положении. У Германии отняли Эльзас-Лотарингию с ее большими естественными богатствами. Германия потеряла большую часть Восточной Пруссии, Верхнюю Силезию, Мемель, Данциг, северную часть Шлезвига, Саарский район и, наконец, Рурский бассейн. Германия, разумеется, не в состоянии заплатить 132 миллиарда золотых марок дани, наложенной на нее Антантой по Версальскому договору. Но в основе своей германская промышленность обладает громадной мощью. В этом смысле остается правильным предсказание т. Ленина, что Европе (прежде всего, таким странам Европы, как Германия) труднее будет начать, но легко будет продолжить и закончить пролетарскую революцию. Германский пролетариат имеет численное преобладание и в городской промышленности, и в сельском хозяйстве. Технический прогресс нигде не сделал таких громадных завоеваний, как в Германии. Ядро квалифицированных рабочих, способных с успехом стать во главе социалистического хозяйства, нигде не является таким компактным, как здесь.

Германский пролетариат не может уже прийти слишком рано—в историческом смысле слова—к власти. Это знал когда-то даже Каутский, указывавший на это еще в 1909 г. в его последнем революционном сочинении «Путь к власти». Объективные предпосылки для победы германской революции назрели давно. А война 1914—1918 гг. и все связанное с войной и Версальским миром создали остальные предпосылки для действительной победы пролетарской революции в Германии.

Германская революция будет классически-пролетарской. Это, однако, не значит, что все остальное население Германии представляет собою «сплошную реакционную массу». Напротив! Новой, своеобразной чертой германской пролетарской революции будет та особая роль, которую сыграет в ней

мелко-буржуазная масса городов: чиновники, мелкие и средние служащие, мелкие торговцы и т. п. Можно даже сказать, что до известной степени ту роль, которую сыграло в русской революции уставшее от войны крестьянство, в германской революции сыграют уставшие от разрухи, приведенные развитием капитализма на край экономической пропасти широкие слои мелкой буржуазии городов. Эти слои, разумеется, колеблются между пролетариатом и буржуазией. Они, быть-может, в ходе революции еще не раз шарахнутся на сторону противников ее. Не они представляют основную силу революции. Главным носителем революционной идеи, конечно, остается пролетариат городов и деревень. Но все же эти качнувшиеся в сторону рабочих слои городской мелкой буржуазии представляют сейчас значительный фактор в балансе сил. Они до некоторой степени фон картины. Уже сейчас революционному пролетариату Германии в течение сравнительно короткого времени удалось частично нейтрализовать некоторые слои мелкой буржуазии, а частично даже заручиться их поддержкой. Уже сейчас часть служащих, мелких чиновников и т. д. участвует в нелегальных заседаниях фабзавкомов, руководимых германской компартией.

Мы знали,—этому учил нас Владимир Ильич,—что каждая великая революция в новой стране будет развиваться по-своему. Мы знали, что германская революция не может просто повторить то, что мы наблюдали в русской революции, что она обязательно будет иметь свои своеобразные черты. Теперь уже вне всякого сомнения, что одной из черт такого своеобразия и является та роль, которую сыграет в германской революции настроение мелкой буржуазии городов.

Классически-пролетарский характер революции. И, однако, более благоприятное отношение к революционному пролетариату со стороны мелкой буржуазии городов. Вяжется ли одно с другим? Нет ли здесь какого-либо внутреннего противоречия?

Нисколько.

Позиция германской мелкой буржуазии городов обусловлена, с одной стороны, брутальной политикой Антанты, которая сделала все возможное и невозможное, чтобы раз-

дразнить и ожесточить этот слой населения, а, с другой стороны, позиция германской мелкой буржуазии городов обусловлена архи-ограниченной, узко-классовой политикой крупной германской буржуазии, которая, не задумываясь о завтрашнем дне, всей своей политикой вела на край экономической пропасти многочисленные слои городской мелкой буржуазии. Как марксисты, мы знали и раньше из теории, что крупный капитал ломает и уничтожает мелкую буржуазию городов, пролетаризируя значительную ее часть. Но особенно наглядна картина этого процесса в масштабе большого государства,—что мы и наблюдаем теперь впервые в Германии в громадных размерах.

Обнищание мелкой буржуазии приняло в Германии неслыханные размеры. И это толкает одну часть мелко-буржуазной интеллигенции на поддержку рабочих. Значительный слой той самой городской мелкой буржуазии, который в России в 1917 г. в силу стечения обстоятельств долгое время был самым непримиримым нашим противником и самой надежной опорой эсеровской контр-революции, в Германии частью настолько деморализован, что не способен уже являться вообще серьезным фактором в надвигающихся событиях, частью же эта группа настроена так, что будет в решающий момент либо нейтральна, либо даже на стороне рабочих. Разразившийся в Германии небывалый финансовый крах больно ударил по мелкой буржуазии городов. Владелец табачного магазина в Берлине, который закрывает свою лавочку и вешает плакат, гласящий о том, что с вздорожанием цен и падением марки, он не может существовать, закрывает свою лавочку и переходит в компартию,—это не анекдот, это не просто метафора,—это своего рода символ.

При правильной политике пролетарская власть в Германии вполне сможет обеспечить длительную и полную победу германской революции, ибо поддержка германского пролетариата плюс часть мелкой буржуазии городов—обеспечит пролетарской власти поддержку большинства населения внутри страны. А в этом и заключается основное условие удержания власти.

Грядущая германская революция будет,—говорим мы,—классически-пролетарской. Это нисколько не исключает, а,

напротив, предполагает дальновидное и уступчивое отношение к мелкой буржуазии. Германская революция учтет основные уроки русской революции и уж, во всяком случае, постарается не повторять ее ошибок. Пролетарская революция в Германии с первых же шагов нового государственного строительства будет придавать громадную важность делу установления удовлетворительных отношений между городом и деревней, с одной стороны, и между пролетариатом и городской мелкой буржуазией—с другой. Германская пролетарская революция едва ли прибегнет к огульной национализации торговли и мелкой промышленности, небольших участков земли и т. д. Поскольку сопротивление мелких и средних собственников не принудит пролетарское правительство Германии, в интересах обороны революции, к крайним мерам,—это правительство, несомненно, будет вести правильную, осторожную и в высшей степени внимательную политику по отношению к этим слоям. Революционная власть в Германии должна будет с первых же шагов своей деятельности постараться повести такую политику по отношению к мелкой буржуазии, к интеллигенции, ремесленникам, мелким и средним крестьянам, которая (политика) должна будет сделать симпатии мелкой буржуазии городов и деревень к пролетарскому режиму Германии достаточно прочными.

Именно потому, что пролетарская революция в Германии имеет такой железо-бетонный фундамент, именно потому, что пролетариат в германской революции будет иметь такое громадное преобладание, она сможет позволить себе роскошь избегнуть всего того, что грубо оттолкнуло бы от нее мелкую буржуазию. Именно потому, что материальные предпосылки для проведения целого ряда крупнейших хозяйственных мер социалистического характера так полно созрели в современной Германии, германскому пролетариату не придется, по крайней мере, на первых порах, брутально задевать за живое интересы мелкой буржуазии городов.

А какие чудеса энергии проявит закаленный, грамотный, привыкший к организованности 20-миллионный германский пролетариат, когда он поднимется на решительную борьбу за социализм,—это в настоящий момент трудно даже предвидеть...

С 8
3631

II.

Творимая легенда о „союзе“ коммунистов с националистами.

Германский рабочий класс идет к власти. Единственная политическая партия в Германии, которая находится в восходящей линии, растет и крепнет с каждым днем, несмотря на все гонения,—это коммунистическая партия. Все остальные политические партии и группы идут по нисходящей линии, теряют свое влияние, находятся на закате.

Один из «видных» немецких меньшевиков (П. Герц) недавно писал в «Социалистическом Вестнике», что «так как социал-демократия, даже вместе с коммунистами, представляет только часть рабочего класса, а значительная часть интеллигентного пролетариата и обездоленных средних буржуазных элементов находятся в буржуазном лагере, то и в чисто-числовом отношении социалистическое рабочее движение в Германии недостаточно, чтобы одному взять власть». Эта «глубокая» сентенция достойна меньшевика. У всякого уважающего себя меньшевика всегда найдется про запас тысяча и одна причина, говорящая против революции. Ему подай 99% организованных в с.-д. партию граждан, знающих наизусть Эрфуртскую программу и полное собрание сочинений Каутского,—да и тогда он потребует еще, чтобы один процент остальных всеобщим, равным и тайным голосованием сначала определил, что есть революция «вообще», нужна ли революция в данный момент, и что лучше: учредилка или пролетарская диктатура...

Институт Ленина
1057964

На самом деле 20-миллионный германский пролетариат прошел более чем достаточную школу организации для того, чтобы совершить свою революцию. И он совершит ее. Весь смысл происходящего внутри германского рабочего класса, начиная с завоевания коммунистами фабзавкомов, продолжая выборами в союз металлистов, августовской стачкой 1923 г. и всеми дальнейшими перипетиями борьбы, заключается в том, что рабочий класс Германии выдал политический мандат на руководство движением коммунистической партии.

Печальные герои II Интернационала трусливо прячут голову под крыло и делают вид, что они не замечают этого основного факта, который определит собою весь ход мировой политики в ближайший период. Однако, это не значит, что господа социал-демократы сидят сложа руки и покоряются судьбе. Нет. В предвидении (или в предчувствии) надвигающейся революционной грозы и неизбежной победы германского пролетариата международный меньшевизм принимает свои меры. Международный меньшевизм творит легенду о мнимом «союзе» между германским коммунизмом... и национализмом. Не больше, не меньше.

Чем ярче разгорается борьба германского рабочего класса, руководимого германской коммунистической партией, чем ближе германский пролетариат к победе, тем откровеннее становится предательская политика международного меньшевизма, тем яснее обрисовывается дьявольский план вождей II Интернационала против германской революции.

Каждый знает, что между германским коммунизмом и германским фашизмом фактически уже в течение нескольких месяцев происходит вооруженная борьба. Редко проходит день, чтобы между коммунистами и фашистами не было прямых вооруженных столкновений, стоящих жизни не только фашистам, но и десяткам и сотням рабочих-коммунистов. Каждый знает, что когда летом этого года германская компартия, имея в виду генеральную схватку с фашизмом, назначила антифашистский день, то выступление это было запрещено германскими социал-демократами, входящими во II Интернационал. Каждый знает, что правой рукой социал-

демократа Эберта является черносотенный военный министр Гесслер, что генерал Сект фактически находится в блоке с вождями с.-д. партии, что и националистический переворот в Баварии на деле есть результат «работы» социал-демократических вождей. Каждый знает, что между германской с.-д. партией и германской националистической буржуазией уже в течение годов происходит определенное сотрудничество против германского рабочего класса. И, тем не менее, на всех перекрестках германские социал-демократы кричат о мнимом «союзе» коммунистов с националистами.

Зачем?

Лучшим ответом на этот вопрос является то, что делают собратья германских социал-демократов—французские социал-шовинисты.

Французские, с позволения сказать, социалисты, входящие во II Интернационал, прекрасно знают, как знают это и вожди германской социал-демократии, что победа германского пролетариата и создание пролетарского правительства, руководимого коммунистами, в Германии неизбежны и близки. Эти господа превосходно отдают себе отчет в том, что французская буржуазия, возглавляемая Пуанкаре, попробует вооруженной силой задавить германскую пролетарскую революцию. При своих «разногласиях» с Пуанкаре и германские, и французские социал-демократы смотрят на него, как на Мессию, как на будущего спасителя Германии и всей Европы от «ужасов» большевистской диктатуры. Чтобы дать возможность Пуанкаре в решающую минуту бросить войска против германской пролетарской революции, нужно уже сейчас «подготовить почву», создать подходящую «моральную» обстановку. С этой целью и творится легенда о мнимом союзе коммунизма с национализмом.

Французские и немецкие с.-д., как и вожди всего II Интернационала, хотят назавтра после победы германского пролетариата сказать французским солдатам: то, что произошло в Германии, это-де не пролетарская революция, это националистическое движение, это какой-то чудовищный симбиоз национализма с коммунизмом, это-де подготовка войны реванша против Франции, и т. п. Ту же предательскую роль,

какую в 1914 году сыграл лозунг «защиты отечества» (в империалистической войне), теперь должна сыграть легенда о мнимом союзе коммунизма с национализмом. Уже сейчас хотят авансом очернить великую пролетарскую революцию в Германии. Уже сейчас искажают ее смысл, клевещут, лгут на нее, как лгали 6 лет на великую русскую революцию.

То, что делает французская «социалистическая партия» теперь, есть настоящая панама. Изо дня в день не только в органе Реноделя «Попюлэр», но и в органе негодяя Фроссара, который еще недавно числился в рядах коммунистов, а теперь продался буржуазии (см. издаваемую на буржуазные деньги газету «Эгалитэ»), происходит настоящая вакханалия. На главных ролях подвизается известный клейменый мошенник пера Грумбах, который выполняет сейчас такую же «работу», какую по поручению буржуазии выполнял в 1914 г. Извращаются цитаты, фальсифицируются факты, сочиняются небылицы. Могучее движение германского пролетариата пытаются представить как мутную волну национализма. Изо дня в день печатают и говорят о «союзе между германскими коммунистами и германскими фашистами». Со страниц «социалистической» печати эта отравленная ложь переходит на страницы всей стоустой буржуазной печати, проникает в деревню, в казармы.

Пуанкаре может быть доволен своими молодцами. Творимая вождями II Интернационала легенда есть не что иное, как подготовка удушения германской пролетарской революции международным империализмом, не что иное, как моральное оправдание готовящейся новой империалистической войны, направленной против германской революции и против всех возможных ее союзников. Пусть знают это рабочие всего мира.

Германия — побежденная страна. Антантовский империализм наступил коленом на грудь Германии. Не только 20-милионный рабочий класс, но и многочисленное мелкое городское и деревенское население ежедневно и ежечасно испытывает на себе самом гнет иностранной буржуазии. Со-

бытия последних лет всколыхнули до дна и всю мелкобуржуазную Германию. Черносотенные вожди германского национализма, духовные братья Пуанкаре и К° долгое время ловили рыбу в мутной воде. Пользуясь взбудораженным настроением, тревогой и отчаянием, переживаемыми мелкобуржуазными слоями населения, фашисты пытались и пытаются отвлечь внимание народа от вопросов внутренней борьбы к вопросу о внешнем враге, разжигают националистические страсти и т. д. Обстановка позволяла до сих пор германской контр-революции вести за собой значительные слои мелкого люда города и деревни. Германские коммунисты не только имеют право, но на них лежит прямой долг—вырвать из-под влияния буржуазных националистов все те слои неимущих, которые шли за фашистами только из ненависти (справедливой и заслуженной ненависти) к антантовским угнетателям.

Разве Парижская коммуна не была права, когда она пыталась мобилизовать против пруссаков ту часть городской и сельской мелкой буржуазии, которая шла за Коммуной из ненависти к иностранным угнетателям и к отечественной буржуазии, продававшей Францию распивочно и на вынос?

Разве пролетарская революция в России в 1917—1919—1920 гг. не имела морального права мобилизовать против английского, французского и германского империализма все те слои населения, которые соглашались поддерживать Красную армию, главным образом, из ненависти к иностранному вмешательству?!

Разве не утверждали и сами социалисты из II Интернационала, что антисемитизм есть «социализм глупцов», и что обязанностью социалистов является освобождать от националистического дурмана те слои трудящихся, которые по тем или другим причинам подпали под влияние антисемитизма?!

Германские коммунисты по мере сил выполняют эту задачу, и выполняют, к счастью, с успехом. Под руководством коммунистической партии, германский рабочий класс уже нейтрализовал часть мелкой буржуазии и завоюет симпатии другой ее части. В этом залог победы германской революции.

— А «война реванша»? Есть ли тут хоть доля правды? Готовится ли в самом деле германская революция вести войну?

Все будет зависеть от самого поведения европейской империалистической буржуазии. Если Пуанкаре и К° поведут свои войска против германской пролетарской революции, то несомненно, что раньше или позже они вызовут отечественную войну социалистической Германии против чужеземного буржуазного вмешательства. Пусть господа Грумбахи и Фроссары так и доложат своему патрону Пуанкаре. Чем грубее, чем брутальнее будет вмешательство иностранной буржуазии в дело германской революции, тем большую волну протеста вызовут они, тем скорее вокруг рабочего класса Германии будут сплочены все живые силы страны для отпора чужеземным угнетателям.

На VII съезде РКП, собравшемся в момент переговоров в Бресте (начало 1918 г.), тов. Ленин называл намечавшийся Брестский договор Тильзитским договором и заявлял от имени рабочих коммунистов всей России, что против вмешательства иностранной буржуазии в дело пролетарской революции есть только одно спасение: объединить вокруг рабочего класса всю страну и в надлежащий момент повести социалистическую отечественную (именно это слово справедливо употребил тогда тов. Ленин, ибо социалистическое отечество мы не только можем, но и должны защищать до последней капли крови) войну против иностранных угнетателей.

«Революция—это мир», говорят германские коммунисты. Рабочий класс Германии, руководимый компартией, хочет мира. Когда на бесчисленных рабочих собраниях в Германии коммунистические ораторы заявляют, что, взяв в свои руки власть, они спасут Германию от войны, ибо за счет экспроприированной германской буржуазии они откупятся, в крайнем случае, от империалистической Антанты, такие заявления встречаются громом аплодисментов. Когда коммунистические ораторы заявляют о том, что рабочее правительство Германии заключит союз с СССР, и этот союз обеспечит мир во всей Европе, то это вызывает еще больший энтузиазм.

Рабочий класс Германии хочет мира. Германская и французская буржуазия хотят войны. А германская и французская с.-д. партии помогают каждая «своей» буржуазии. Вот в чем суть текущего момента.

Партии II Интернационала давно уже стали на путь контр-революции. Теперь они идут дальше. Они становятся активной гвардией наиболее непримиримой части империалистской буржуазии. С.-д. вожди становятся откровенными погромщиками. Кто в этом сомневается, тот пусть вспомнит палаческую роль болгарских меньшевиков в недавних болгарских событиях. Даже убеленный сединами Каутский писал недавно, обращаясь к евреям России, что, если они хотят избегнуть новых погромов, они должны помочь низвергнуть советскую власть.

Когда русские меньшевики и с.-р. творят легенду о мнимом «красном империализме» Кремля, они на деле подготовляют новую интервенцию международной буржуазии против СССР. Когда вожди германской и французской с.-д. партий творят легенду о мнимом союзе германских коммунистов с германскими националистами, они, по поручению международной империалистской реакции, готовят удушливые газы для войны против германских рабочих.

Вожди II Интернационала стали откровенными жандармами международной контр-революции. Даже уже у меньшевистского «Социалистического Вестника» на-днях (№ 16) вырвалось ценное признание:

«В результате партии «наиболее заинтересованных» стран из представительниц единой интернациональной политики мирового пролетариата все более и более превращались в доброжелательных представительниц «своего» отечества, хлопочущих лишь о выработке «наиболее приемлемых» компромиссов с разными национальными точками зрения. Конечно, дипломаты социализма вкладывали и вкладывают в свою «соглашательскую» работу бесконечно больше доброй воли, искренней жажды мира, гуманности и уважения к противнику, чем дипломаты господствующих классов».

В устах господ русских меньшевиков это, поистине, не очень лестный комплимент по адресу вождей II Интернационала. Повидимому, вопиют даже камни. Даже среди русских меньшевиков раздаются одинокие голоса против предательства вождей II Интернационала,—что не помешает, конечно, Абрамовичу и Дану сыграть по отношению к русским коммунистам ту же роль, которую во Франции играют Фроссар и Грумбах.

Готовится новое предательство против германского и международного рабочего класса, еще более чудовищное, чем то, которое мы наблюдали летом 1914 года. Легенда о «защите отечества» в империалистской войне стоила миллионов жизней международному рабочему классу. Передовые рабочие всего мира должны теперь во-время принять меры к тому, чтобы обезвредить фальшивомонетчиков из II Интернационала, пытающихся создать новую легенду, которая угрожает стать роковой для международного рабочего класса.

III.

Рабочий класс, коммунисты и социал-демократы.

Рабочий класс в Германии представляет собой количественно решающую силу. Германский пролетариат держит в своих руках судьбу своей страны. Почему же власть до сих пор оставалась в руках германской буржуазии?

В 1918—1919 гг. за Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург пошло только меньшинство германских рабочих. На другом полюсе, за кровавым Носке, пошло тоже только меньшинство германских рабочих. Основная же масса—ядро германского пролетариата—колебалась. Это ядро—рабочий-середняк — искал мирных путей. Та «средняя» масса, которая, в конце-концов, определила ход борьбы, в то время не хотела гражданской войны, боялась революции, рассчитывала легальным путем—через профсоюзы, через всеобщее избирательное право, через социал-демократическую партию — медленно, но верно улучшить свое положение, обеспечить себе кусок хлеба и работу.

Опираясь на это настроение рабочего - середняка, германская социал-демократия, лавируя и хитря, сумела сорвать первую германскую революцию и обеспечить победу германской буржуазии. Не забудем, что германской социал-демократии удалось в 1919 г. созвать всегерманский съезд советов рабочих и солдатских депутатов и на этом съезде провести решение о самороспуске советов и передаче власти учредительному собранию.

Спартаковцы — авангард рабочих — в 1919 г. были очень

малочисленны. Спартаковцы в 1918—1919 гг. пользовались большим уважением среди рабочих. Многие рабочие-средняки молчаливо признавали мужество и глубокую преданность рабочему делу спартаковского меньшинства, подставлявшего голову под самые жестокие удары контр-революции и неуклонно защищавшего интересы рабочего класса в целом. Но, отдавая должное спартаковцам, за ними не шли. Основное ядро рабочего класса не без симпатии поглядывало на смельчаков-спартаковцев, но на деле поддерживало социал-демократов.

Этим настроением основной массы германских рабочих, судорожно искавшей мирных путей и чуравшейся больше всего гражданской войны, умело воспользовалась социал-демократия, и она обеспечила передышку германской буржуазии на целых четыре года—с 1919 по 1923 г.

В марте 1921 г. спартаковский авангард рабочего класса вновь бросился вперед. Коммунистический авангард пытался заменить собой основные массы рабочего класса, находившегося еще к тому времени под почти безраздельным влиянием социал-демократии, убаюкивавшей его маниловскими контр-революционными мечтами. И вновь значительные слои германских рабочих не без симпатии взирали на смельчаков, принимавших на себя удары контр-революции. Но вновь же смельчаки эти остались без поддержки основной массы рабочих. Слишком рано поднявшийся авангард был бит.

Весь вопрос нынешних дней сводится к тому, удастся ли ныне германской социал-демократии вновь спасти, хотя бы на некоторое время, германскую буржуазию. Есть все основания думать, что теперь этого не будет.

Урок пошел впрок.

При помощи III Всемирного Конгресса Коминтерна германская компартия сумела учесть ошибки прошлого. Вопрос о восстании, о немедленной борьбе за власть в 1921 году был отодвинут, и всецело и решительно была поставлена другая задача—завоевание большинства рабочих.

Насколько же выполнена эта задача теперь? Имеют ли коммунисты ныне за собой уже большинство рабочего класса? За кем симпатии основного ядра германского пролетариата?

Какое влияние в германском рабочем классе имеет еще контрреволюционная социал-демократия? Каково должно быть наше отношение теперь к социал-демократии в целом и к так-называемой «левой» ее части в особенности?

Нет никакого сомнения в том, что тактика единого фронта увенчалась особенно большим успехом именно в Германии, что германская компартия применила ее правильно, что сомнения, которые имелись и имеются у некоторых «левых» коммунистов, неправильны. Вся суть тактики единого фронта в том и заключается, что она имеет целью вовлечь в борьбу и более отсталые слои рабочих, подтянуть средние слои и арьергард к авангарду. Поэтому упрекать тактику единого фронта в том, что она во многом ориентируется именно на эти слои рабочих, значит выказывать полное непонимание самой сути этой тактики.

Германская компартия разрешила поставленную ей III Всемирным Конгрессом задачу. Или, во всяком случае, она уже близка к разрешению ее. Германские коммунисты овладели движением фабзавкомов, которые, как мы покажем в одном из дальнейших очерков, в значительной степени играют в современной Германии роль наших русских дореволюционных советов рабочих депутатов. Более чем в 2.000 городов Германии движение фабзавкомов находится почти в безраздельном влиянии германской компартии, в том числе и в самых крупных промышленных центрах.

В профсоюзах германская компартия сделала очень большие завоевания. Она не получила еще в свои руки руководящего аппарата профсоюзов и, пожалуй, не получит его вплоть до самой победы пролетарской революции. Вырвать власть из рук профессиональных бюрократов—задача, пожалуй, не менее, а более трудная, чем вырвать государственную власть из рук буржуазии. Назавтра после пролетарского переворота придется овладеть профсоюзами зачастую такими же способами, как овладевают государственными учреждениями или фабриками и заводами. Но в низах профсоюзной организации германские коммунисты получили уже сейчас серьезнейшее влияние.

Число членов германской компартии находится в состоя-

нии роста. Есть организации, которые за месяц вырастают в размере 500 проц. Не только авангард рабочего класса, но и толща его, та рабочая масса, которая в 1919 г. дала победу германской социал-демократии, все больше и больше поворачивается теперь лицом к коммунистам. Рабочий класс, как таковой, т.-е. не только организованная его часть, но и вся многомиллионная масса его, все больше и больше склоняется к тому, чтобы дать мандат на политическое руководство именно германской компартии. Во время великой августовской (1923 г.) стачки, низвергшей правительство Куно, политическое руководство движением находилось уже в руках коммунистов. В стачечном комитете, руководившем движением берлинских рабочих (бастовало около 800 тысяч рабочих), громадное большинство принадлежало коммунистам. Председатель—коммунист; из 24 членов 17 были коммунисты, остальные — левые социал-демократы и «независимые», выбранные по предложению коммунистов же и шедшие целиком за нами. В другом решающем центре Германии, в Гамбурге, стачечный комитет состоял из 5 коммунистов, 2 левых с.-д., одного революционного синдикалиста. Такое соотношение сил было почти повсюду. Даже в таких городах, где местная организация коммунистов численно была до августовской стачки совсем слаба, рабочие массы почти навязывали политическое руководство в августовской стачке этой небольшой организации коммунистов. «Коммунисты — единственная партия, которая в масштабе всей Германии руководит движением; поэтому вы должны руководить нами в нашем городе»,—заявляли десятки и сотни тысяч беспартийных рабочих.

Есть ли это уже прочное и обеспеченное большинство? Может-быть, этого еще пока и нельзя сказать. Но что к этому идет дело и что оно придет к этому в течение ближайшего же времени,—это несомненно. Настроение еще изменчиво и непрочно. Настроение миллионов рабочих вообще не есть нечто раз навсегда данное. Часть рабочих стоит еще в раздумье, занеся одну ногу в лагерь коммунистов, а другой оставаясь в лагере социал-демократии. Это неизбежно в переходный период. Смешно требовать, как

предварительного условия успеха, чтобы все до единого рабочие сначала несколько раз поклялись в верности компартии. Начинающее складываться большинство окончательно сложится и закрепится за коммунистами в ходе самой борьбы.

А германская социал-демократия? Она уже сейчас потеряла, повидимому, не менее $^2/_3$ своего количественного состава. Из числа рабочих в ее рядах, как отмечают все наблюдатели, преимущественно наиболее пожилые рабочие, менее активный элемент, люди, сохранившие долголетнюю традиционную связь с социал-демократией, которую им трудно порвать. Цвет же рабочих уходит из рядов германской социал-демократии. Среди тех 600—700 тысяч членов партии, которые еще остаются у с.-д., немалое количество приходится на мелкую буржуазию, попутчиков. Из числа же тех рабочих, которые еще остаются в рядах германской социал-демократии, значительное ядро душою уже с коммунистами. Мы отмечали это еще полгода назад, а теперь это яснее ясного. Когда на нелегальном съезде фабзавкомов в Штутгарте, Берлине и других городах десятки и сотни рабочих, формально остающихся членами с.-д. партии, конспирируют вместе с коммунистами против своих собственных с.-д. вождей, это есть лучшее доказательство того, что эти рабочие, продолжая еще по традиции называть себя социал-демократами, в действительности являются нашими товарищами. Когда десятки тысяч рабочих социал-демократов вместе с рабочими-коммунистами, против воли вождей своей собственной с.-д. партии, создают совместно с нами красные сотни — зачатки красной гвардии, когда сотни тысяч рабочих, «числящихся» за социал-демократией, вступают вместе с нами и под руководством нашей компартии в политическую стачку, вопреки решения с.-д. партии, — то все это показывает, что недалеко время, когда значительная часть с.-д. рабочих окончательно порвет с контр-революционными вождями и беззаветно пойдет за коммунистами.

Нынешний переходный период очень хорошо знаком нам, русским коммунистам, по тем временам, когда значительные слои рабочих меньшевиков и с.-р., продолжая «числиться»

за своими партиями, на деле брали из наших рук винтовки и шли вместе с нами громить коалиционное правительство. Германская социал-демократия переживает канун тех времен, какие пережила на наших глазах когда-то «самая могущественная» партия в России—эсеры. С треском рушится на глазах рабочих и всего мира некогда гордое здание миллионной германской социал-демократии, определявшей политическую судьбу Германии в течение целой эпохи. У незадачливого экс-министра Гильфердинга есть все основания проливать слезы на реках вавилонских.

А расхождение и намечающийся раскол между правой и «левой» социал-демократией! Как оцениваем мы его?

Возможно, что «левые» с.-д. эпизодически сыграют в истории германской революции примерно ту же роль, какую сыграли у нас в России левые с.-р., т.-е. небольшой кусочек пути проделают **вместе** с революцией для того, чтобы потом оказаться опять в лагере контр-революции. В 1917—1918 гг. сначала могло показаться, что между правыми и «левыми» с.-р. в России пивесть какая большая политическая разница. В 1923 г. всякий объективный наблюдатель видит, что «левые» и правые с.-р., по крайней мере, поскольку дело шло о руководящем слое, были только **различными прослойками одинаково дряблой и контр-революционной мелкой буржуазии.**

Весь или почти весь ныне руководящий слой «левой» социал-демократии в Германии — это все наши старые знакомые, не раз уже предававшие германских рабочих в решающую минуту. Они не раз еще предадут германский пролетариат. Как **симптом**, появление «левого» течения среди с.-д. имеет, конечно, громадное значение. Как в кривом зеркале, в «левой» с.-д. отражается рост революционного настроения среди глубочайших масс германского пролетариата. Но только как симптом. Если бы, так-называемые, «левые» вожди с.-д. всерьез захотели сыграть «самостоятельную» политическую роль, это могло бы быть чревато громадными опасностями и прямым несчастьем для германской революции. Войдя в революционное правительство, эти господа в решающие моменты уже наверняка попытались бы превратить

революционное правительство в дискуссионный клуб. Они стали бы держать за фалды революционное правительство в каждый такой момент, когда потребуется железная диктатура и стальная решимость. Слишком большая «поддержка» со стороны «левой» с.-д. могла бы стать прямо роковой для пролетарской революции.

Это не значит, что коммунисты должны в настоящую стадию развития отказываться от всякого соглашения с левой социал-демократией. За ней еще идут некоторые слои рабочих. «Левая» социал-демократия—это одна из последних иллюзий значительного слоя германских рабочих. Помочь этим слоям изжить эту иллюзию является одной из важнейших предпосылок успеха дальнейших решительных действий коммунистов. Пусть поскорее германский рабочий убедится на последнем примере, что даже, так-называемая, «левая» социал-демократия не хочет и не будет вести решительную борьбу против буржуазии. Вожди «левой» социал-демократии—все эти Криспины и Розенфельды—сами позаботятся о том, чтобы поскорее и поосновательнее скомпрометировать себя в глазах рабочих. А мы поможем им ускорить это. Поведение этого, с позволения сказать, левого крыла в парламентской с.-д. фракции за последние дни (голосование за расширение полномочий полуфашистского правительства Штреземана) достаточно ясно показало бесформенность и контр-революционную дрянность «левых» вождей германской социал-демократии.

Близко время, когда громадное большинство рабочих, которые ныне еще возлагают некоторые надежды на «левую» с.-д., окончательно убедится, что решающий бой придется вести вопреки и против не только правой, но и «левой» с.-д.

Вхождение коммунистов в саксонское правительство преследует двоякую задачу. Во-первых, помочь революционному авангарду Саксонии закрепиться, занять определенную территорию и сделать Саксонию исходным пунктом дальнейших битв. Во-вторых, дать возможность «левым» с.-д. на деле показать себя и тем облегчить с.-д. рабочим изживание последней иллюзии. Опыт, произведенный, разумеется, с согла-

ция Коминтерна, германской коммунистической партией в Саксонии, чреват большими опасностями. Это нужно видеть ясно. Было бы политическим малодушием не пойти на тот риск, который существует при вхождении в саксонское правительство коммунистов. Но было бы ребячьей наивностью не видеть тех громадных политических опасностей, с которыми это вхождение связано.

Уже сейчас «левые» саксонские с.-д. начинают саботировать еще не успевшее сложиться рабочее правительство Саксонии. Германские коммунисты, пославшие в саксонское правительство группу лучших своих работников, будут настороже. Они ни в коем случае не позволят германским «левым» с.-д. проводить свою политику колебаний и саботировать пролетарскую революцию за счет престижа германской компартии. Вхождение германских коммунистов в саксонское правительство имеет смысл лишь в том случае, если оно будет обставлено надежными гарантиями того, что аппарат государственной власти действительно начнет служить рабочему классу; что начнется вооружение десятков тысяч рабочих для борьбы против баварского и обще-германского фашизма; что начнется не на словах, а на деле массовое изгнание буржуазных чиновников из аппарата государственной власти, частью оставшихся еще со времени Вильгельма; что немедленно будут приняты экономические меры революционного порядка, решительно бьющие по буржуазии.

Если нынешнее саксонское правительство сумеет действительно превратить Саксонию в красную страну, которая сможет, хотя бы до известной степени, стать концентрационным пунктом всех революционно-пролетарских сил страны, тогда революционный германский пролетариат поймет и поддержит саксонские попытки. Если же этого не будет, германские коммунисты должны будут воспользоваться всем саксонским эпизодом лишь для того, чтобы еще и еще раз наглядно продемонстрировать перед рабочими массами бесхарактерность «левых» с.-д. и контр-революционную дрянность с.-д. вождей. «Единый фронт» для затушевания революционных задач мы отвергаем.

Итог: осью политической жизни германская социал-демократия больше не является,—центр тяжести переносится на германских коммунистов. Германские коммунисты уже завоевали или очень близки к тому, чтобы завоевать на свою сторону большинство многомиллионного германского пролетариата. Это большинство может окончательно упрочиться и закалиться не в голосованиях и разговорах, а только в тех битвах, которые надвигаются. Основная задача германской компартии—своими действиями внушить большинству германских рабочих уверенность в том, что германская компартия, в отличие от 1919—1921 гг., теперь поведет за собой не только авангард, но и всю многомиллионную массу рабочих. А главное—внушить рабочим массам уверенность, что теперь руководство компартии действительно обеспечит победу рабочего класса.

IV.

Профсоюзы, фабзавкомы и советы рабочих депутатов.

Контр-революционная роль германских профсоюзов во время империалистской войны достаточно известна. Это они загоняли в армию Вильгельма II миллионы германских рабочих, изображая им дело так, что, защищая «отечество» Вильгельма II, германские рабочие защищают дело социализма. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что важнейшим фактором контр-революции за годы 1914—1919 были германские профсоюзы.

Крупным фактором контр-революции являются германские профсоюзы и сейчас,—по крайней мере, поскольку дело идет об аппарате германских профсоюзов и о вождях их. Не подлежит ни малейшему сомнению, что в решающий момент германский пролетариат вновь увидит «вождей» германских профсоюзов по другую сторону баррикады. Завоевание аппарата германских профсоюзов дастся германскому пролетариату не легче, чем завоевание государственного аппарата. Овладеть профсоюзами германскому пролетариату удастся, повидимому, только уже после успешного переворота, как это, впрочем, было даже в такой стране сравнительно слабого влияния меньшевизма, как Россия.

Было время, когда довольно влиятельная группа внутри Коминтерна требовала выхода коммунистов и сочувствующих им рабочих из желтых профсоюзов вообще, и из германских социал-демократических профсоюзов в частности. На II конгрессе Коминтерна даже такие дальновидные товарищи, каким

был покойный Джон Рид, настаивали на этом самым решительным образом. Ядро Коминтерна оказывало бешеное сопротивление этим тенденциям, и оно, несомненно, было право. Работа коммунистов, в частности германских коммунистов, в профсоюзах отнюдь не пропала даром. Без этой работы нельзя было завоевать на свою сторону большинство германского пролетариата. В «низах» профсоюзов почва ныне достаточно взрыхлена. Семя, брошенное коммунистами ряд лет назад, скоро начнет давать превосходные всходы. Победа германских коммунистов на выборах в союзе металлистов не случайно была первой зарницей, осветившей небо, до тех пор обложенное свинцовыми социал-демократическими тучами.

Решающую роль в надвигающейся пролетарской революции в Германии, несомненно, сыграют фабзавкомы. Но если бы германские коммунисты устранились от участия в профсоюзах, они едва ли могли бы завоевать и фабзавкомы. Ибо сами фабзавкомы вначале являлись органами германских профсоюзов. Они были вызваны к жизни самими профсоюзами.

Германские фабзавкомы были задуманы вождями желтых профсоюзов, как органы, которые не должны были играть особенно большую роль. В представлении «вождей» германских профсоюзов эти фабзавкомы должны были явиться чем-то в роде апендикса, который в свое время можно будет-де безболезненно и удалить. В течение первых 1—2 лет существования фабзавкомы и находились почти целиком в руках вождей профсоюзов. На съездах фабзавкомов господа с.-д. шутя одерживали победы над коммунистами. Фабзавкомы являлись в те времена только простым придатком к профсоюзам—органом, которым желтые вожди пользовались для проведения своей предательской политики. Примерно на 3-й год своего существования фабзавкомы начинают играть другую роль. Они постепенно начинают заменять профсоюзы в сфере экономической борьбы. По мере того, как обостряется положение, подлеют с.-д. вожди профсоюзов. Рабочая масса судорожно ищет себе какого-либо органа, способного руководить борьбой за существование рабочих. С.-д. «вожди» на каждом шагу предают рабочих, даже когда они

ведут элементарную экономическую борьбу. В поисках за такой массовой организацией, способной хоть сколько-нибудь руководить экономической борьбой пролетариата, рабочие стихийно наталкиваются на мысль об использовании фабзавкомов *против* с.-д. вождей профсоюзов. Фабзавкомы начинают выполнять те функции по руководству экономической борьбой против капитала, от которых отрекаются профсоюзы.

В это время возникают неумные полупрудонистские попытки (связанные больше всего с именем покойного вождя «левых» независимых Деймига) превратить фабзавкомы в замкнутые самодовлеющие организации, долженствующие стоять в стороне от политической борьбы. Создается вид ограниченного и самодовлеющего «фабзавкомовского» социализма—перевод «гильдейского» социализма на немецкий язык.

Но жизнь берет свое. Постепенно рабочие массы изгоняют из фабзавкомов не только предательские идеи социал-демократизма, но и прудонистское извращение революционного марксизма. В фабзавкомы врывается дух подлинной классовой борьбы. Фабзавкомы получают громадное распространение по всей Германии. К ним постепенно переходят те функции экономической борьбы, от которых отказались желтые профсоюзы. И не только эти функции, но и ряд таких, которые активно связаны с подготовкой пролетарской революции, которые роднят нынешние германские фабзавкомы с советами рабочих депутатов дореволюционного времени.

Желтые вожди профсоюзов еще назначают своих председателей в фабзавкомы,—в Берлине на этих ролях подвизается ставший притчей во языцех Эмиль Барт, бывший «министр-социалист» в первом «революционном» министерстве Шейдемана—Гаазе. Этот герой печального образа продолжает разыгрывать роль назначенного профсоюзами председателя в момент, когда действительное движение фабзавкомов давно уже переросло социал-демократию и солидаризировалось с коммунизмом, в момент, когда фабзавкомы гонят в шею Бартов.

Фабзавкомы берут начало в самых «низах»—на фабриках, заводах, в мастерских, шахтах, железнодорожных депо, крупных торговых учреждениях. Густою сетью фабзавкомы покрыли всю Германию. Авторитет фабзавкомов растет с ка-

ждым днем. Главнейшие из функций нынешних фабзавкомов сводятся к следующему:

1) Фабзавкомы руководят всей или почти всей экономической борьбой пролетариата, сколько ни требуют вожди с.-д. (см. хотя бы происшедшие на-днях переговоры в Гамбурге и Берлине), чтобы коммунисты не «противопоставляли» фабзавкомы профсоюзам. На деле жизнь противопоставила фабзавкомы, как органы реальной борьбы пролетариата, желтым профсоюзам, как органам, которые пока еще в состоянии саботировать борьбу пролетариата.

2) Фабзавкомы создали вокруг себя по всей Германии такую своеобразную организацию, как контрольные комиссии, т.-е. комиссии, пытающиеся регулировать цены на предметы первой необходимости, на жилища и т. п., бороться против бешеного роста дороговизны и спекуляции. Выборы в эти контрольные комиссии происходят почти повсеместно в Германии. В этих выборах участвуют не только рабочие, но и мелкий трудящийся люд вообще. Идейное и организационное руководство этим своеобразным и в высшей степени интересным движением находится в руках фабзавкомов.

3) Фабзавкомы руководят делом вооружения германского пролетариата. То, чем являлась красная гвардия в русской революции, в Германии представляют собой красные сотни. Эти красные сотни также берут начало в самых низах, на фабриках, заводах, в мастерских и т. д.

Здесь, утопая в миллионах рабочих масс и пользуясь безраздельным влиянием и поддержкой со стороны этих рабочих масс и их фабзавкомов, красные сотни становятся неуловимыми для буржуазии и «вождей» с.-д. В этом и заключается «земляная» сила красных сотен. Вооружение германского пролетариата есть одна из решающих предпосылок успеха германской революции. Разумеется непосредственное руководство делом вооружения должно находиться, как это было и во время русской революции, в руках немногочисленных штабов и узких конспиративных организаций. Фабзавкомы не таковы. Но они — фундамент. Они дают широкую организационную основу.

4) Фабзавкомы в значительной степени руководят и поли-

тической борьбой рабочих, поскольку дело идет о громадных массах, в том числе и беспартийных рабочих. Августовские стачки 1923 г. вдохновлялись фабзавкомами. Правительство Куно фактически было низвергнуто фабзавкомами, объявившими 3-дневную стачку. Опять-таки непосредственное руководство движением должно было находиться и находилось в августе в руках компартии, в руках немногочисленных штабов. Но основной организационной базой движения являлись и являются фабзавкомы.

5) Фабзавкомы привлекают на сторону рабочих и другие слои населения, способные хотя бы часть пути пройти вместе с пролетариатом. Мы говорим о мелких служащих, о части интеллигенции, мелком и среднем крестьянстве и т. п. В целом ряде пунктов Германии фабзавкомы сумели уже и организационно привлечь представителей этих слоев населения, готовых итти вместе с рабочими против буржуазии.

Все это вместе взятое и делает из нынешних германских фабзавкомов нечто очень близкое к советам рабочих депутатов дореволюционного времени.

Организационная схема германских фабзавкомов такова:

Точный перевод немецкого слова Betriebsrat—не фабзавком, а производственный совет. Этот производственный совет и является суммой двух слагаемых: рабочего совета и совета служащих (комслуж). Гегемония, разумеется, находится целиком в руках первых, т.-е. в руках пролетариата. Фабзавкомы (или производственные советы) организуются теперь и по вертикальной, и по горизонтальной линиям, т.-е. и по производственному, и по территориальному принципам. Германские рабочие под руководством германской компартии,

завоевавшей большинство в фабзавкомах в 2.000 городах Германии, с изумительным трудолюбием и упорством работают над организацией и усовершенствованием системы фабзавкомов. Уже почти по всей Германии мы имеем теперь хорошо слаженную организацию фабзавкомов не только в общегородском, но и в окружном и в областном масштабах. Попытки буржуазии и германских социал-демократов перевести на нелегальное положение движение фабзавкомов уже явно запоздали. Руководящую верхушку фабзавкомов, быть-может, на-время, этим господам еще удастся загнать в подполье. Самое же движение фабзавкомов — никогда. Ибо, начинаясь на каждой фабрике и заводе, в каждой мастерской, в самых «низах», пользуясь безраздельной поддержкой рабочих масс, фабзавкомы представляют собой неиссякаемый источник сил.

В общем можно сказать, что те функции, которые у нас в России между февралем и октябрем 1917 г. выполняли советы рабочих депутатов плюс фабзавкомы, в нынешней предреволюционной Германии выполняют одни фабзавкомы. Это во многих отношениях те же советы рабочих депутатов. И в этом великое значение движения фабзавкомов в Германии. В этом то, что есть в них общезначимого, международного, пригодного для каждой страны крупного рабочего движения, когда начинают назревать революционные события.

Наличие такого движения фабзавкомов в Германии является одной из важнейших предпосылок успешности пролетарской революции. Одного революционного настроения рабочих масс было бы мало для успеха,—чтобы пролетарская революция могла победить и закрепиться, она нуждается в организационном хребте. Она должна еще до решающего восстания создать организационные леса, вокруг которых затем будет возведено здание советской власти. Пролетариат должен предварительно создать такую новую массовую организацию, которая вклинится в самую гущу жизни рабочих масс, которая сумеет еще до полной победы пролетариата в значительной степени проникнуть в быт.

Современные фабзавкомы в Германии и являются такой новой массовой пролетарской организацией. Они уже сейчас

в значительной степени участвуют в регулировании таких коренных вопросов, как вопросы продовольствия, топлива, зарплаты, вооружения рабочих и т. п. Вот почему они и становятся основным рычагом назревающего на наших глазах переворота. Из недр нынешних фабзавкомов назавтра после победы пролетариата выделятся, с одной стороны, советы рабочих депутатов, как органы уже прямой правительственной власти рабочих, а с другой стороны, фабзавкомы, как первичные органы действительно живых боевых профсоюзов, помогающих советской власти взять производство в свои руки.

Едва ли германская революция выдвинет новую форму пролетарской диктатуры назавтра после завоевания власти. Форма будет та же, что и у нас: *советская власть*. Не «советы на заводах», т.-е. *не* переход завода Сименс-Гальске или заводов Круппа в беспредельное распоряжение *этих* рабочих завода, а *власть советам*, т.-е. *переход всего производства и всей власти в стране в руки организованного в общегосударственном масштабе рабочего класса*,— таков пароль. Не «власть фабзавкомам», а *власть советам*. Такова великая столбовая дорога, которая открывается перед пролетариатом в Германии.

В *подготовительный* период дело в Германии развивалось несколько иначе, чем в России. Германской с.-д. удалось на-время скомпрометировать идею советов. В 1918—1919 гг., когда германские советы попали в руки социал-демократии, эта последняя добилась от съезда германских советов самороспуска и добровольной передачи власти германской учредилке. В марте 1921 г., во время восстания меньшинства германских рабочих, на-время вновь всплыла идея советов. Но в виду поражения восстания эта идея вновь скоро стушевалась. Теперь эта великая идея имеет все гарантии *победить*. Германским рабочим не зачем перестраивать свои фабзавкомы сейчас, до победы. Им не зачем спю минуту создавать параллельную организацию, раз существующая в основе своей удовлетворительно выполняет задачи времени. *Крестьянские* советы должны организоваться немедленно, ибо крестьяне лишь при особо благоприятных условиях имеют

возможность примкнуть к фабзавкомам. Крестьянские советы начали возникать в Германии уже во время революции 1918 г. Сельскохозяйственные рабочие, настроенные ныне вполне революционно, должны подтолкнуть образование крестьянских советов.

Революционные фабзавкомы на деле вытеснили с авансцены рабочего движения контр-революционные профсоюзы. Из недр фабзавкомов скоро родятся уже вполне определенные и законченные советы рабочих депутатов, как органы власти. Грядущая победоносная пролетарская революция окончательно поставит на полочку каждую из своих основных организаций: революционные профсоюзы, революционные фабзавкомы и советы рабочих депутатов.

V.

Внутренние трудности германской революции.

Весь контр-революционный лагерь рассчитывает теперь на то, что, придя к власти, германские коммунисты долго не удержатся и должны будут очистить место фашистской буржуазии.

Одно время и среди германских коммунистов было распространено то мнение, что завоевать власть в Германии будет легко, но что главные трудности начнутся назавтра *после* завоевания власти. Что это не совсем так,—в этом теперь начинают убеждаться самые широкие круги германской компартии. Трудности назавтра после завоевания власти, действительно, будут немалые. О них забывать не следует. Но больше всего сейчас необходимо думать о *самом завоевании власти*. Оно-то оказывается, и еще окажется, далеко не легким.

Фашистская буржуазия имеет в своем лагере около 600 тысяч вооруженных до зубов и готовых на все людей. Правда, эти вооруженные силы контр-революции не имеют сочувствия масс, им нехватает общественного кислорода. Многомиллионные массы будут на стороне коммунистов, а не контр-революции. Но, готовясь к решительной борьбе, не следует забывать о том, что успех в такой схватке определяется громадным перевесом сил в решающий момент и в решающем месте. История недавнего восстания в Болгарии в этом смысле чрезвычайно поучительна. Массы были целиком на стороне повстанцев. И, тем не менее, тот решающий перевес, кото-

рый дали Цанкову небольшие вооруженные до зубов ударные отряды, определил судьбу восстания...

Однако, уже сейчас уместно будет взвесить внутренние и внешние трудности германской революции назавтра после победы ее.

Внутри страны главные трудности сводятся к следующему.

Продовольственные трудности. Наиболее организованная богатая часть германского крестьянства, вместе с помещиками, несомненно, причинит серьезные трудности германскому советскому правительству. Начавшаяся уже сейчас продовольственная блокада красной Саксонии является прообразом того, что назавтра после переворота мы увидим в большом масштабе.

Далее пойдут хозяйственные трудности. Недостаток угля, закрытие фабрик и заводов и т. д.

Затем—безработица.

Затем—внутренняя контр-революция: фашисты, корниловцы, вандейские округа (Бавария), франкофильские реакционные сепаратисты, остатки контр-революционной социал-демократии, кулацкий элемент крестьянства и т. д.

И, наконец, финансовые трудности. Советское правительство в России получило в наследие от царизма и коалиционного правительства золотой фонд, примерно, в 1.400 миллионов золотых рублей и, кроме того, не вполне еще истрепанный царский бумажный рубль. Советское правительство в Германии в этом отношении получит гораздо более тяжелое наследие.

И, тем не менее, мы с полной уверенностью говорим, что германский пролетариат удержит власть. Поддержка германского пролетариата плюс части мелкой буржуазии, городской и сельской, обеспечит пролетарскому правительству в Германии поддержку большинства населения. А это и есть основное условие удержания власти.

Германское пролетарское правительство учтет основные уроки русской революции. Оно напряжет все силы для того, чтобы установить действительно удовлетворительные отношения между городом и деревней, с одной стороны, и между пролетариатом и городской мелкой буржуазией—с другой.

Пролетарское правительство в Германии отнюдь не должно прибегать к огульной национализации торговли, мелкой промышленности, небольших участков земли и т. д. Напротив, поскольку сопротивление мелких и средних собственников не принудит пролетарское правительство Германии, в интересах самообороны, к крайним мерам,—это правительство должно будет вести крайне осторожную и в высшей степени внимательную политику по отношению к этим слоям населения. Пролетарское правительство в Германии с первых же шагов своей деятельности поведет,—и с успехом,—по отношению к мелкой буржуазии, к интеллигенции, ремесленникам, мелким и средним крестьянам и т. д. такую политику, которая должна будет сделать симпатии мелкой буржуазии городов и деревень к советскому режиму Германии достаточно прочными.

Пролетарское правительство Германии, разумеется, должно будет прибегнуть и прибегнет к решительной революционной национализации крупной и средней промышленности. Но, насколько это будет зависеть от пролетарского правительства, оно будет проводить эту национализацию лишь в меру фактической возможности рационально организовать крупную и среднюю промышленность на социалистических началах. Сильную сторону российского нэпа пролетарское правительство Германии не забудет.

Продовольственный вопрос. Он причинит громадные трудности германскому пролетарскому правительству. Но недаром уже теперь почти на каждом митинге германские рабочие с.-д. подчеркивают тот факт, что уже сейчас германские рабочие частично едят русский советский хлеб. Если значительное количество русского хлеба притекает уже сейчас в буржуазную Германию, то почему бы не притекать ему еще в большей степени в пролетарскую Германию?

Что касается угля, то Германия, после захвата Рура, уже сейчас находится в этом отношении в очень трудном положении. Разумеется, рассчитывать на быстрый расцвет народного хозяйства сейчас же после переворота трудно. Но пролетарское правительство Германии могло бы, при известных условиях, предложить представителям французской тяжелой индустрии взять на себя (т.-е. на рабочее правительство)

снабжение их углем с тем, конечно, чтобы были обеспечены и интересы народного хозяйства пролетарской Германии. При благоприятном стечении обстоятельств не исключено, что советская Германия сможет закупать уголь в Чехо-Словакии и Польше.

Количество безработных в Германии, во всяком случае, в ближайшее время будет велико. Только пролетарское правительство могло бы оказать действительную помощь безработным. Пролетарское правительство в целях самозащиты, разумеется, должно будет немедленно приступить к созданию немецкой красной армии, невзирая на то, что это увеличит затруднения для германской революции со стороны французских и иных империалистов. В ряды этой армии германское правительство привлекло бы значительное количество безработных рабочих.

Контр-революционная опасность изнутри и финансовые трудности доставят немало хлопот пролетарскому правительству Германии. Но неразрешимого в них ничего нет. Пролетарская Германия справится с ними в общем по образцу Советской России, разумеется, с теми модификациями, которые вытекут из всей обстановки.

Россия вступила в Октябрьскую революцию, имея 7—8 миллионов рабочих на 160 милл. населения. Германия имеет более 20 милл. рабочих на 60 милл. населения. Небольшая горсточка российского пролетариата проявила поистине чудеса энергии и организованности. В конце-концов, именно эта горсточка была душою обороны Советской России на десятке фронтов. Она спасла великую российскую революцию. Какие чудеса энергии проявит 20-миллионный германский пролетариат—основное ядро международного пролетариата,—в настоящее время трудно даже предвидеть.

Германский пролетариат поголовно грамотен. Он более культурен, чем рабочий класс России. Он прошел тяжелую, но и богатую опытом «школу» у германской с.-д. Его не так легко уж обмануть после тех предательств с.-д., которые он испытал на своем горбу. Рядовой германский рабочий будет не худшим, а лучшим красным солдатом, нежели русский рабочий. Для этого есть свои веские причины. Про-

цент рабочих в армии Вильгельма II в годы войны, 1914—1918, был гораздо больше, чем процент рабочих в армии Николая II. Ибо русская армия была по преимуществу крестьянской армией. Первые отряды рабочих-красногвардейцев в России, как военные единицы, были крайне слабы. Рядовые русские красногвардейцы-рабочие не знали, как держать винтовку. С рядовым германским рабочим, побывавшим в армии Вильгельма II, этого случиться не может.

Оглядываясь на пройденный международным рабочим классом путь, приходишь к убеждению, что класс наемных рабочих, занимающий место в самом низу социальной пирамиды, не располагающий достаточным политическим опытом и культурностью, не может победить господствующие классы буржуазии сразу. Повидимому, совершенно неизбежно то, что рабочий класс, по крайней мере, в тех странах, которые первые в международном масштабе встают на борьбу против буржуазного строя, сначала терпит одно-другое крупное поражение и лишь затем научается побеждать. Так было и с рабочим классом России. Без тяжелого поражения в 1905 г. русский рабочий класс едва ли мог бы победить в 1917 г. Или, во всяком случае, эта победа не далась бы так сравнительно легко. Уже в 1905 г. русские рабочие научились создавать советы, вооружаться, организовывать боевые дружины, драться на баррикадах, устанавливать связь с крестьянством, солдатами, железнодорожниками и т. п. Оттого-то в 1917 г. опыт 1905 года мог быть легко проделан в увеличенных грандиозным образом масштабах. Да и то еще понадобились уроки июльских дней 1917 г., чтобы окончательно закалить основное ядро рабочего класса России.

Сдается, что и в этом отношении германский рабочий класс обладает уже достаточным «стажем». Поражение 1918—1919 гг. послужило крупнейшим уроком. Едва ли можно себе теперь хотя бы на минуту представить, чтобы в Германии вновь был мыслим съезд советов, который сам себя распустил бы и передал власть учредительному собранию. Чаша поражений и социал-демократических измен выпита до дна.

Но и урок мартовского восстания 1921 г. не прошел

даром. Пролетарский авангард в Германии на живом примере воочию убедился,—и притом в форме очень болезненного, тяжелого поражения,—что героизм авангарда венчается победой лишь тогда, когда авангард этот не слишком зарвался вперед и обеспечил себе неразрывную связь с тяжелой пехотой, с основным ядром пролетариата, и даже с арьергардом его. Мартовские 1921 года ошибки тоже теперь не могут быть повторены.

Внутренние трудности германской пролетарской революции назавтра после успешного переворота будут велики, но не непреодолимы. Подумать о них уже сейчас—дело, насущно необходимое для восходящего класса и для той партии, которой принадлежит будущее. Но весь коллективный разум революционной пролетарской Германии, весь политический опыт компартии, вся революционная воля, весь порыв и энтузиазм, все организационные усилия пролетарского авангарда, все душевные силы выходящего на авансцену поколения героев германской пролетарской революции,—все, все, что имеет германский рабочий класс в настоящую эпоху, должно быть вложено в одно дело: в дело всесторонней подготовки решающего боя.

Довлеет дневи злоба его. Сейчас историческая задача в том, чтобы победить, в решающем месте сконцентрировать все силы, дабы нанести германской буржуазии удар в сердце, от которого она уже не оправится никогда.

Вот задача всех задач. Остальное приложится...

VI.

Внешние трудности германской революции.

Все трудности германской пролетарской революции, лежащие по линии внутреннего соотношения сил, отступают на задний план перед внешними трудностями, какие возникнут назавтра же после победы пролетарской власти в Германии. Угрозы немедленной войны со стороны французской, чешской и польской буржуазии, возможность английской блокады—вот главные международно-политические трудности германской революции.

Пролетарская революция в Германии с первых же шагов приобретает еще большее международное значение, нежели даже российская революция. Германия более промышленная страна, чем Россия. Германия находится в самом центре Европы. Германия — это, можно сказать, центральный нерв Европы. Судьбы современной Германии тесным образом переплелись с судьбой Франции. Пролетарский переворот в Берлине почти механически вызывает то или другое вмешательство Парижа, этого главного центра современной международной реакции. Германия обладает могущественным пролетариатом, который, расправив свои члены, тем самым пошатнет всякое равновесие в каждой буржуазной стране, которая решится ударить против революционной Германии. Могучая сила германского пролетариата может способствовать укреплению мира во всей Европе. Немецкие генералы хотят войны реванша. Немецкие рабочие хотят мира. Внешние опасности — вот Ахиллесова пята германской революции.

Преимущества, которые в этой области имела Советская Россия, когда она в октябре 1917 года вышла на мировую арену, заключались в следующем. Во-первых, «они» продолжали еще воевать. Международный империализм был расколот на два лагеря, между которыми кипела война не на жизнь, а на смерть. Международному империализму трудно было сразу объединиться против Советской России. Драка между разбойниками-империалистами двух лагерей позволяла легче дышать только-что родившейся Советской республике. Во-вторых, Советскую Россию спасла необъятность ее территории. Чтобы выиграть время, мы могли уступать в пространстве. Советская Россия жаловалась на «буржуазное окружение». Это «окружение» действительно причинило не мало вреда молодому пролетарскому государству: интервенция, блокада и т. п. Но все же это «окружение» далеко не было таким непосредственным и, стало-быть, таким опасным, каким оно может стать для германской революции.

Зато русская революция не имела того, чем будет располагать германская революция. Прежде всего, русская революция была первой, между тем как германская пролетарская революция имеет за собой уже опыт,—и не только опыт, — СССР, существующего как рабочее государство, уже 6 лет. А пролетарская революция в России начиналась в 1917 году, когда коммунистические партии в других странах не существовали вовсе или это были только маленькие, слабые группы. Германская революция начинается в момент, когда Коммунистический Интернационал существует уже около 5 лет, когда коммунистическое движение во всем мире разрослось, и когда в решающих странах Европы коммунисты стали крупной силой. «Организованного опыта» прибавилось и у той, и у другой стороны: и у международной буржуазии, и у международного пролетариата. Борьба поэтому будет тем более напряженной.

В 1923—24 гг. на мировой арене не существует, как это было в 1914—17 гг., двух резко очерченных борющихся друг с другом группировок империализма: империализма Антанты и противоположной группировки. Зато внутри Антанты взаимная грызня принимает все более затяжной и пер-

манентный характер. Открытой войны империалистов друг с другом, правда, нет, но глубокая вражда растет с каждым месяцем. Достаточно указать пальцем на соревнование между империалистской Англией и империалистской Францией. Международная буржуазия разъедена противоречиями и постоянным соревнованием.

Попытки международного империализма организовать единый фронт против германской пролетарской революции, несомненно, будут. Но степень их удачи все же остается под вопросом. История борьбы международной буржуазии против русской революции в течение 6 лет доказала, что образование такого единого фронта для международной буржуазии дело не столь легкое. В лагере империалистской буржуазии, наверняка, будут бороться две системы политики в отношении германской революции. Одна из них может быть условно названа захватническо-империалистской, другая — социально-классовой в широком смысле слова.

Узко-империалистские интересы отдельных клик международной буржуазии будут толкать влиятельные круги ее просто поживиться на германской революции, захватить ту или другую территорию (Рур, Восточную Пруссию и т. д.). Отдельные влиятельные клики международной буржуазии будут строить свои расчеты на том, что коммунистическая власть лучше всего-де разорит Германию, ослабит конкурента, позволит аннексировать известную часть германской территории и т. п. Такое отношение может помешать «им» создать законченный, вполне единый фронт международной буржуазии против германской революции, как это с 1917 по 1923 год не раз наблюдалось в отношении русской революции. Ведь, Вильгельм II, когда войска его находились в Пскове, пошел же именно по этой линии—захватническо-империалистской, отодвинув на задний план социально-классовый критерий.

Правда, Вильгельм II тогда находился в смертельной схватке с империализмом Антанты. Этого забывать нельзя.

Само собой разумеется, что строить свою тактику германский революционный пролетариат должен, во всяком случае, на более трудный исход, т.-е. он должен быть готовым к тому, что международный империализм оценит германскую

революцию не как изолированный эпизод, а именно как событие, определяющее судьбы всей буржуазной Европы. И отсюда международный империализм может сделать немедленно свои практические выводы.

Франция, Англия, Польша, Чехо-Словакия—вот главные страны, которые могли бы вмешаться немедленно в дело революции в Германии. В этом смысле судьба германской пролетарской революции решается не только в Германии, но и в Англии, во Франции, в Польше, в Чехо-Словакии.

Англия. В английской империалистской прессе появилось уже предложение занять балтийские порты английским флотом ради обеспечения «английских интересов» на случай германской революции. То крыло английской буржуазии, которое предложит занять более или менее нейтральную позицию в вопросе о германской революции, будет, вероятно, довольно влиятельно. Но если бы Англия и решилась применить блокаду по отношению к пролетарской Германии, эта блокада решающего значения не имела бы. А выставить большую сухопутную армию против германской революции современная Англия не сможет.

Франция. Империалистская Франция в военном отношении, несомненно, представляет собой крупную силу. Франция имеет громадное преобладание в области воздушного флота, техники вооружения вообще... Но если бы Франция вздумала в широком масштабе провести оккупацию революционной Германии, то для этого ей понадобились бы сотни тысяч солдат (вероятно, не менее миллиона). Эту армию в конечном счете ожидала бы та же самая судьба, которая постигла армию Вильгельма II при оккупации революционной Украины. Настроение войск в такой войне явилось бы, несомненно, решающим фактором. Моральный перевес в этой войне был бы целиком на стороне пролетарской Германии и ее союзников. Победить германскую революцию исключительно при помощи чернокожих войск, на чем строят свои планы некоторые вожди французской буржуазии,—дело безнадежное. Чернокожие рабочие, попавшие в числе нескольких тысяч человек на наиболее тяжелые городские работы в Париже, уже дружно участвуют в экономических стачках бок-о-бок с рабочими-коммунистами.

Можно смело сказать, что в том случае, если империалистская Франция сразу же объявит прямую войну революционной Германии, пролетарская революция в Германии сумеет оказать громадное сопротивление империалистской Франции. А революционизирующее влияние германских событий будет в этом смысле особенно большим именно во Франции.

Польша. Некоторые слои польской буржуазии могут оказаться наиболее опасными и злобными врагами германской революции. Если даже французские империалисты не рискнут бросить свои собственные войска против германской революции, то буржуазную Польшу они не постеснятся послать в бой. Судьбой вассала рискнуть легче, чем своей собственной судьбой. Если бы наиболее авантюристическая часть польской буржуазии решила взять на себя роль палача германской революции, она тем самым подписала бы себе смертный приговор. Тяжелое националистическое наследие, которое тяготеет еще над значительными слоями польского пролетариата, быстрее всего будет изжито именно в результате пролетарской революции в Германии. Чем двусмысленнее будет поведение вождей ППС в отношении германской революции, чем более вожди эти склонны будут поддерживать авантюры польской буржуазии, тем скорее польский пролетариат окончательно освободится от национализма ППС. Господствующие слои польской буржуазии угнетают украинцев, литовцев, немцев, евреев. Как только польская буржуазия пошевельнет пальцем для того, чтобы начать завоевательную войну против германской революции (а также и против Советской России), тем скорее она убедится в том, что она сидела на вулкане, тем более хлопот причинит ей национальный вопрос внутри самой Польши.

Чехо-Словакия. По своему географическому положению, Чехо-Словакия могла бы сыграть крупную роль в деле подавления пролетарской революции в Германии. Пограничные войска чехо-словацкой буржуазии в течение нескольких часов могут быть в Дрездене. Но и в Чехо-Словакии национальный переплет затруднит единство действия для наиболее контр-революционной части буржуазии. Не исключена и та возможность, что даже среди буржуазии найдутся люди, ко-

торые поймут, что белая Германия есть серьезная государственная опасность для Чехо-Словакии, и что Советская Германия, во всяком случае, не будет угрожать государственному существованию Чехо-Словакии. А сильный чехо-словацкий пролетариат, возглавляемый большой компартией, сумеет выполнить свою историческую миссию.

Победоносная пролетарская революция в Германии вызовет, вероятно, большое движение и в Австрии в пользу объединения с Германией. Австрийские рабочие могли бы сыграть немалую роль в борьбе против баварских фашистов, которые, это теперь уже вполне ясно, станут германской Вандеей. Реакционная Венгрия сама вошла уже в такую полосу внутреннего кризиса, которая выводит ее из строя в качестве активной силы для подавления германской революции или для войны против союзников советской Германии.

Победоносная германская революция вызовет небывалый энтузиазм и пробудит громадные силы во французском, польском и чешском пролетариате. На французскую, чешскую, польскую компартии лягут громадные задачи. Они должны будут сделать все, что от них зависит, для организации прямой и открытой революционной поддержки пролетариата их страны пролетарскому правительству Германии. Германское пролетарское правительство после переворота не откажется, при известных условиях, и откупиться от империалистов Антанты. Оно, быть-может, даже станет платить французскому правительству по Версальскому договору, если этой ценой можно будет купить отсрочку войны, удаление войск из Рура и т. п.

Быть-может, германской революции придется пройти через свой Брест-Литовск. Брестская перспектива не исключена. По крайней мере, германская компартия (главная сила назревающей германской пролетарской революции) от этой перспективы не зарекается. Мы можем себе представить ход германской пролетарской революции и в брестском аспекте. И это ни в коем случае не является угашением духа, обрезанием крыльев германской революции. Притягательная сила грядущей великой пролетарской революции в Германии от этого нисколько не становится меньше. Мы только входим

в германскую революцию уже не столь невинными, не столь политически неискушенными, какими мы входили в Октябрьскую революцию 1917 года в России. Мы слишком хорошо знаем силу международной буржуазии. Мы ни на минуту не забываем, что для германской революции эта сила еще опаснее и грознее, чем для русской революции. Мы помним, что многомиллионные массы народа, вступившие в революцию, хотят не войны, а мира,—хотя бы купленного тяжелой ценой...

Но если бы международная буржуазия, вопреки всему, рискнула бы на немедленную прямую войну против германской пролетарской революции, иностранный империализм может иметь успех на первых порах, но его окончательное и скорое поражение неизбежно. 60-миллионный немецкий народ, возглавляемый пролетарской властью, сумеет отбиться от иноземных завоевателей. И германская пролетарская революция, несмотря ни на что, победит.

VII.

Приближение германской революции и тактика единого фронта.

В момент, когда мы пишем эти строки, всегерманское коалиционное правительство охромело на обе ноги: как на правую (белая Бавария), так и на левую (красная Саксония). Соотношение сил крайне неустойчивое. Равновесие утеряно. Вот-вот покатится вниз большой камень, а за ним с шумом и треском обрушится весь поток. Германская социал-демократия, поскольку дело идет о центральном аппарате партии, все еще является (и, очевидно, явится до самого конца) надежным союзником контр-революционной буржуазии.

И в то же время отпочковывающиеся левые группы и организации социал-демократии делают первые шаги по пути к сотрудничеству с германскими коммунистами. С.-д. партийный центр попрежнему разгуливает под-руку с черносотенной буржуазией и белыми генералами, а в то же время левый фланг партии как бы заносит ногу в лагерь пролетарской революции. Красная Саксония (точнее будет сказать, бледно-красная Саксония), белая Бавария, желтое центральное правительство. Таково положение вещей сейчас, когда мы пишем эти строки (22 октября 1923 г.)

При таком положении вещей естественно страстное желание отдернуть занавес и заглянуть в будущее: как же будут развиваться события в ближайшее время? Просуществуют ли сколько-нибудь продолжительное время промежуточные «рабочие» правительства Саксонии и Тюрингии? Как быстро пой-

дет и как далеко зайдет дифференциация в рядах германской социал-демократии?..

В настоящее время совершенно уместно остановиться на вопросе о том, чем была и чем должна явиться в дальнейшем тактика единого фронта для Германии.

Нет никакого сомнения в том, что германская компартия, в общем и целом, применила тактику единого фронта с громадным успехом. Благодаря правильному применению этой тактики, компартия завоевала ныне большинство рабочих Германии, о чем еще два-три года назад трудно было и мечтать. Возражения «левых» коммунистов (мы имеем здесь в виду некоторых горе-«теоретиков»; рабочие, входящие в левые коммунистические организации, классовым чутьем правильно схватили сущность тактики единого фронта), указывающие на то, что германская компартия при проведении тактики единого фронта орентировалась на отсталые слои пролетариата, на массовика, а не на передовика, бьют мимо цели. Ведь, весь смысл тактики единого фронта в том и заключался, чтобы подтянуть арьергард к авангарду, чтобы приблизить рабочих-средняков, шедших еще за контр-революционной социал-демократией, к рабочим-передовикам, которые уже начали примыкать к коммунистам. Ведь, не случайно, что самая тактика единого фронта оформилась и сложилась после восстания в марте 1921 года и после осенних событий 1920 года в Италии. Именно итальянские и германские события показали ядру Коминтерна, что значительные слои, местами большинство, рядовых рабочих идут еще за социал-демократией.

В 1918—19 гг., когда мировая революция казалась нам очень близкой, мы искали сближения с рабочими прямо через голову вождей социал-демократии. 1920—21 гг. убедили нас в том, что, минуя социал-демократические организации и социал-демократических вождей, невозможно подойти к самым широким массам. И мы перешли к тактике единого фронта. Чем больше во вторую половину 1921 года, в 1922 году и в 1923 году германская компартия держала курс на середняка-рабочего, чем больше она считалась с настроением арьергардных слоев германского пролетариата, тем пра-

вильнее проводила она тактику единого фронта, тем успешнее подготовляла она завоевание этих решающих слоев пролетариата в сторону коммунизма.

Однако, сейчас применение тактики единого фронта в нынешней германской обстановке входит, несомненно, в новую фазу.

Эта тактика остается правильной и для современной Германии в том смысле, что мы и сейчас еще должны применить целую систему дополнительных мер, дабы завоевать на нашу сторону те еще отставшие слои рабочих, которые попрежнему идут за социал-демократией и остаются беспартийными. Но мы не доктринеры, а диалектики. Если изменилась обстановка, мы должны суметь изменить и применение тактики единого фронта. В общем и целом, задача подтянуть средние и арьергардные слои пролетариата выполнена успешно. В настоящую стадию германских событий выдвигается уже на первый план другая задача: глядеть в оба, дабы неправильное применение тактики единого фронта сейчас не затормозило революцию, не парализовало решимости авангарда, который в надлежащий момент должен суметь поставить на карту все.

Один старый товарищ писал нам из Гамбурга после великой августовской стачки 1923 года следующее:

«Эта неделя показала нам, что, несмотря на все удачи и неудачи тактики единого фронта, к массам мы подошли против воли социал-демократии, а не в едином фронте с ними. Все течение германской общественной жизни, вся тактика германской социал-демократии и профсоюзов прошедшего времени и прошлой недели, в частности, не дают никаких оснований предполагать, что тактика нашего противника (с-д.) в вопросе единого фронта изменится. Она может измениться только тогда, когда эта тактика может послужить тормозом, когда обанкротившиеся социал-демократы попытаются провести по-своему единый фронт, чтобы затормозить движение или увлечь нас в пропасть вместе с собой».

Этот вывод старого товарища, не принадлежащего ни к одному из борющихся направлений внутри германской компартии, кажется нам совершенно правильным и в высокой

степени метким. Совершенно прав тот же товарищ, когда он пишет далее: «События доказывают, что, при всем нашем отрицательном отношении к социал-демократии, мы все же переоценивали ее рабочую сущность, ее способность отстаивать рабочие интересы. И в этом наша ошибка. Социал-демократия слишком погрязла в мелко-буржуазном болоте. Она предпочтет погибнуть в нем, чем сделать хотя бы какую-нибудь попытку выкарабкаться из него. Нужно видеть, с какою ненавистью выступает она против каждой попытки рабочего класса отстоять свои элементарные насущные интересы, чтобы убедиться, что социал-демократы и их друзья из профсоюзов для рабочего класса навсегда погибли, что ни малейшей помощи рабочему классу от них ждать нельзя. Наоборот, от них нужно ожидать всякую пакость, как от злейшего врага. Надо быть слепым, чтобы не видеть этого».

Этот последний вывод особенно следует запомнить нашим товарищам из германской компартии. Ошибка ряда русских большевиков (в том числе и пишущего эти строки) накануне октября 1917 года в том и заключалась, что мы по инерции «переоценивали рабочую сущность» русских меньшевиков и эсеров, что мы все еще надеялись на то, что в последнюю минуту эти партии предпочтут выкарабкаться из мелко-буржуазного болота, чем погибнуть в нем. Эту страшно-опасную ошибку наши товарищи из германской компартии ни в коем случае не должны повторить.

Германская компартия, разумеется, обязана сделать все возможное для того, чтобы привлечь на свою сторону те слои с.-д. рабочих, которые еще колеблются между социал-демократами и коммунистами. В этом смысле переговоры типа недавно бывших в Гамбурге или Берлине, вероятно, необходимы. Но опасности, связанные с такими переговорами, в настоящее время становятся громадными. Мы читали в берлинской «Роте Штурмфанэ» от 15—17 октября 1923 г. подробное описание последних «переговоров» с вождями мнимо-левой берлинской социал-демократической организации[1]). В течение целой недели подготовлялись эти переговоры, в те-

[1]) Правда, комитет берлинской организации тогда еще не был перевыбран.

чение трех дней велись они, а в момент, когда мы пишем эти строки, они все еще не кончены.

Да, ничего лучшего германские фашисты себе и пожелать не могут. В такое время, когда дорога каждая минута, когда германская контр-революция работает лихорадочно, в главном рабочем центре—в Берлине—в течение долгих дней идет обсуждение вопроса о соглашении, происходят торги с переторжками из-за каждой запятой, растрачивается дорогое время. Если бы германская компартия во время таких переговоров и в надежде на них хотя бы на волос ослабила практические подготовления всех необходимых мер, если бы она вообще строила обширные политические планы в расчете на союз с с.-д. вождями, она совершила бы настоящее преступление. Мы твердо уверены, что такой ошибки германская компартия никогда не допустит. Переговоры—переговорами, а дело—делом.

Гамбургский товарищ прав. Нет никакого сомнения, что такой момент, когда контр-революционные вожди германской социал-демократии и профсоюзов формально примкнут к единому фронту, наступит, и что он уже не далек,—это будет тогда, когда уже никакими другими мерами спасти буржуазию не будет никаких надежд. Коммунисты должны поставить перед собой вопрос ясно: единый фронт—*для чего*? Во имя каких задач в этот двенадцатый час вожди контр-революционной социал-демократии, тысячи раз предававшие пролетариат, теперь примыкают к единому фронту? Ответ на вопрос будет ясен: для того, чтобы *изнутри* парализовать революционную волю пролетарских масс, чтобы попытаться превратить революционный штаб и, быть-может, само революционное пролетарское правительство в дискуссионный клуб, в говорильню.

Такая «поддержка» со стороны господ социал-демократов может стать для пролетарской революции более опасной, чем открытое сопротивление. Такая «помощь» может стать прямо роковой для революции.

Нужно сделать все для того, чтобы максимальную часть с.-д. и беспартийных рабочих при помощи правильного применения тактики единого фронта перевести на нашу сторону.

Эта задача стоит перед нами попрежнему. Но в то же время возникла другая, еще более важная задача: памятовать, что решающие действия пролетарскому авангарду наверняка придется предпринять вопреки и против контр-революционных с.-д. вождей. Только в свете этой второй задачи можно теперь правильно разрешить и первую.

Было время, когда, проводя тактику единого фронта в Германии, мы могли, обращаясь к рядовым рабочим социал-демократам, говорить им: все зависит от твоей партии; если бы твоя с.-д. партия решилась честно выполнить свой долг перед рабочим классом, если бы она пошла вместе с нами, коммунистами, против буржуазии, мы могли бы мирным путем, быть-может, даже без гражданской войны, создать рабочее правительство. В 1918—1919 гг. это, действительно, было вполне возможно. Германская социал-демократия в ту пору держала судьбы Германии в своих руках.

Теперь такое утверждение в наших устах было бы исторической неправдой и только сеяло бы конституционные иллюзии. Германская социал-демократия у ж е не держит судьбы Германии в своих руках. Мирный исход зависит уже не от нее. Только пролетарская революция может разрубить современный германский узел. Германские коммунисты должны, разумеется, через те слои с.-д. рабочих, которые доступны нашему влиянию, оказывать давление на германскую с.-д. партию, дабы заставить ее, насколько это вообще возможно, не помогать контр-революции. Но германские коммунисты прежде всего обязаны убедить рядовых с.-д. рабочих в том, что в настоящее время, если бы даже удалось всю с.-д. партию возглавить «левыми» вождями, все равно мирного исхода нет, и только тяжелая борьба может спасти Германию из лап контр-революции.

Чтобы сформулировать вопрос совсем кратко: тактика единого фронта, которая была и остается верной в международном масштабе, в Германии в основном проведена. Основное ядро рабочего класса поднялось или поднимается. Арьергардные слои пролетариата подтягиваются. Задача авангарда сейчас уже заключается в том, чтобы повести в бой подтянутые массы.

Тактика единого фронта была и остается широко задуманным стратегическим маневром авангарда рабочего класса. Только заведомые враги пролетариата, как господа социал-демократы, или старые бабы в роде некоторых вождей «независимых», могли видеть что-либо худое в таком стратегическом маневре. Рабочий класс не однороден. Его культурный уровень, его политическая подготовка не одинаковы. В этом вся беда угнетенного класса. Авангард этого класса поднялся на более высокую ступень, сознательно сорганизовавшись в компартию. И он не только имеет право, но и о б я з а н сделать все от него зависящее, чтобы подтянуть отставших. И если ему ради достижения этой цели иногда приходится говорить на языке этих отставших, то лишь из педагогических целей. Чтобы научить неграмотного человека читать, приходится иногда учить его по складам. Но когда он читать научился, мы постараемся учить его Коммунистическому Манифесту, а не сочинениям Шейдемана и Вандервельде.

Тактика единого фронта верна. Нужно только, чтобы в нынешней кипящей и бурлящей Германии, где авангард не сегодня-завтра ринется в решающий бой и повелет за собой тяжелую пролетарскую пехоту,—чтобы в этой Германии тактика единого фронта не превратилась в прямую свою противоположность.

VIII.

Рабоче-крестьянское правительство, диктатура пролетариата.

Никакая тактика единого фронта не избавит теперь германских рабочих от необходимости вступить на путь гражданской войны, даже если бы вся германская социал-демократия, как один человек, искренно высказалась в последнюю минуту за единый фронт.

Это же относится и к лозунгу «рабочее правительство» или «рабоче-крестьянское правительство». Никакая тактическая формула, как бы «приемлемо» ни звучала она для уха самых широких слоев трудящихся Германии, не предотвратит ныне гражданской войны и не заменит ее.

Формула «рабочее правительство» явилась составной частью тактики единого фронта. Задачей этой формулы было выразить лозунг «диктатура пролетариата» в такой форме, чтобы он как можно больше соответствовал настроениям и пониманию не только авангарда, но и средних слоев пролетариата и его арьергардных частей. Кто придавал формуле «рабочее правительство» другое значение, кто воображал, что тут дело идет о целом необходимом этапе исторического развития, принципиально отличном от диктатуры пролетариата, кто верил, что рабочее правительство может быть создано на путях парламентских комбинаций, тот извращал мысль Коммунистического Интернационала.

— Ты, рабочий,—говорил Коминтерн, обращаясь ко многомиллионным рабочим-«середнякам», — видишь на каждом шагу, что буржуазия отнимает у тебя последний кусок хлеба. Ты

видишь, что и вопросы заработной платы, вопросы всего твоего житья-бытья в значительной степени зависят от того, какое правительство стоит у власти. Рабочих — миллионы и десятки миллионов. Рабочие — большинство населения. Неужели же ты будешь против того, чтобы у власти стояло рабочее правительство,—правительство, которое будет заботиться о твоих интересах?..

Такой тон агитации вполне соответствовал духу времени и в Германии, скажем, в 1921—1922 гг. Но и тогда рабочие-передовики, рабочие-коммунисты, в своей пропаганде должны были разъяснять весь смысл этих слов до конца.

— Ты за рабочее правительство? Отлично. Но, ведь, пока что в нашем прекраснейшем из миров у власти стоят повсюду буржуазные правительства. Не думаешь ли ты, дорогой друг, что буржуазное правительство добровольно очистит тебе дорогу и даст возможность создать рабочее правительство, как только мы вынесем большинством голосов резолюцию об этом? Конечно, нет. Чтобы поставить у власти рабочее правительство, нужно сначала устранить правительство буржуазии. А буржуазия вооружена до зубов. За наш счет, за счет пота и крови рабочих она создала многочисленную армию, она создает теперь фашистские отряды, она использовала весь аппарат государства для защиты своих привилегий. Она будет до последней капли крови бороться за свою власть. Стало-быть, для создания рабочего правительства надо сначала победить буржуазию, нужно раздавить ее вооруженные силы, нужно разрушить ее государственный аппарат, нужно деморализовать ее государственные учреждения. А для этого необходимо самим рабочим вооружаться, нужно в подходящий момент подняться всем, как один человек, и нанести господствующему классу решающий удар в решающем месте,— захватить власть в свои руки, раздавить сопротивление эксплоататоров, и т. д. Лишь тогда может создаться прочное рабочее правительство.

— Но, ведь, это и будет диктатура пролетариата?

— Конечно. И диктатуру пролетариата, как суженого, конем не объедешь. Хочешь освобождения рабочего класса, — готовься к борьбе за диктатуру пролетариата. Лишь в виде

исключения, лишь благодаря счастливому совпадению целого ряда обстоятельств в том или другом месте возможно на короткое время существование промежуточного «рабочего» правительства, которое само не будет еще диктатурой пролетариата, но явится первым шагом, подходом к ней. Другой формы раскрепощения рабочего класса, кроме как через диктатуру пролетариата, пока еще не придумано. Отрекающийся от диктатуры пролетариата отрекается от освободительной роли рабочего класса.

В этом смысле пишущий эти строки говорил еще и в начале 1922 года, что рабочее правительство является не чем иным, как «псевдонимом» пролетарской диктатуры. И совершенно напрасно некоторые товарищи с этим не соглашались. Более, чем когда бы то ни было, необходимо это подчеркнуть теперь, при наличии таких правительств, как современные правительства социал-демократов и коммунистов в Саксонии и Тюрингии.

— Зачем же нужно было нам прибегать к «псевдонимам»?—спросит иной товарищ.—И разве пристало коммунистам употреблять в агитации псевдонимы? Нет ли тут чего-либо даже прямо морально недопустимого для коммунистов?

— Затем же,—ответим мы такому товарищу,—зачем мы прибегали к тактике единого фронта вообще. Мы прекрасно отдавали себе с самого начала отчет в том, что действительное единство фронта с руководящими слоями социал-демократии и социал-демократических профсоюзов невозможно, что купить его можно было только ценою нашего отказа от коренных интересов международного пролетариата. Но социал-демократия была еще сильна. За ней шло большинство рабочих. Ключ положения заключался в том, чтобы найти общий язык с теми рабочими, которые шли еще за социал-демократией, и на живом опыте убедить их в том, что с.-д. вожди предают их. Так и поступили коммунисты. И лишь люди, совершенно не понимающие обстановки классовой борьбы, могут задавать себе вопрос: а было ли это морально допустимо?

Формула «рабочее правительство» находила себе более легкий доступ в широких кругах с.-д. рабочих и рабочих

беспартийных. Эта более элементарная формула легче проникала в умы и сердца рабочих-средняков. Она казалась им более приемлемой. Это были первые буквы азбуки. Научившись произносить «а», передовые рабочие постепенно научились под нашим руководством произносить и все остальные буквы алфавита. Мы были бы педантами, если бы отказались от использования и этого педагогического приема для того, чтобы в конце-концов убедить большинство рабочих в правоте коммунистического авангарда.

Формула «рабочее правительство» могла быть применена только в рамках *одного* класса—рабочего класса. Ее главная задача заключалась в том, чтобы пододвинуть отставших, чтобы перетянуть на сторону пролетарского авангарда весь рабочий класс. Формула «рабоче-крестьянское правительство» ставила себе уже несколько более широкую задачу. Она простиралась уже на *два* класса. Это была уже попытка не только подтянуть весь рабочий класс к уровню его авангарда, но и вовлечь значительные слои крестьянства в борьбу против буржуазии под гегемонией пролетариата.

То, что сказано о «рабочем правительстве», в значительной степени относится и к лозунгу «рабоче-крестьянское правительство». Буржуазия и помещики нигде в мире добровольно не уступят власти ни рабочему, ни крестьянскому, ни рабоче-крестьянскому правительству. Чтобы создать рабоче-крестьянское правительство, нужно сначала *победить* *буржуазию* и уничтожить ее буржуазное правительство.

Формулировать наши лозунги мы обязаны при прочих равных условиях так, чтобы они были как можно более доступны и притягательны для возможно более широких слоев рабочих и крестьян. Для буржуазии, для вождей с.-д., как ни формулируй наши лозунги, они ни в какой форме приемлемы не будут. Ибо тут дело уже не в форме, а в классовой сущности. Вот почему мы можем и должны при формулировке наших лозунгов считаться с удобствами агитации, *поскольку* они не идут вразрез с ясностью нашей политической позиции, с коренными интересами революционной целесообразности.

В действительности рабоче-крестьянским правительством

будет лишь такое правительство, в котором руководящая роль принадлежит пролетариату, ведущему за собой трудящееся крестьянство и защищающему его интересы. По крайней мере, во всех сколько-нибудь значительных капиталистических странах никакое другое взаимоотношение представить себе нельзя. Рабоче-крестьянское правительство это не то правительство, в котором обязательно сидит 50% рабочих и 50% крестьян, а это то правительство, которое выдвинуто восставшим пролетариатом, вышло из его борьбы, опирается на рабочий класс, но в то же время защищает и трудящееся крестьянство.

Во всем капиталистическом мире крестьянство живет разбросанно. Оно не имеет и тысячной части тех возможностей самоорганизации, которыми располагают промышленные (отчасти и сельскохозяйственные) рабочие. Только рабочие, самым развитием капитализма собранные в городах, где решаются судьбы политической борьбы, в количестве сотен тысяч и миллионов, только эта концентрированная сила пролетариата и может с успехом бороться с централизованными силами буржуазии. Вот почему первенствующая роль, гегемония в освободительном движении не может не принадлежать пролетариату.

Но в то же время пролетариат не может прочно победить и закрепить победу, если он не сумеет наладить того, что мы в современной Советской России называем «смычкой» с крестьянством. Кто всерьез поставил на практические рельсы вопрос о гегемонии пролетариата, для кого идея пролетарской диктатуры действительно облеклась плотью и кровью, тот не может тут же не поставить себе другой задачи — искать могущественного союзника для пролетариата. А этим союзником не может быть никто иной, как трудящееся крестьянство.

В сущности говоря, вся суть большевизма и сводится к тому, что большевизм поставил вопрос о диктатуре пролетариата, как задачу, действительно, ближайших исторических дней. Большевизм понял необходимость найти с этой целью могущественного союзника для пролетарпата, и он нашел его в лице крестьянства. А, найдя этого союзника, он сумел

найти и формы союза между пролетариатом и крестьянством. К этому в основном и сводится теперь задача большевизма в международном масштабе.

Нужды широкой массовой агитации требовали до сих пор и в Германии выдвигания на первый план лозунга «рабочее правительство» или «рабоче-крестьянское правительство». Лозунги эти были и остаются в общей форме правильными и сейчас. В международном масштабе эти лозунги абсолютно правильны. Но мы и здесь должны рассуждать диалектически. В современной Болгарии лозунг «правительство рабочих и крестьян» (или, может-быть, даже крестьян и рабочих) будет достаточен и правилен. В современной Италии или, скажем, в Чехо-Словакии в данный момент тоже вполне возможно ограничиться общим лозунгом «рабоче-крестьянское правительство». То же во Франции. То же в ряде других стран. А в современной Германии, которая вплотную подошла к перевороту, эта общая формула уже недостаточна,— по крайней мере, в тех крупных промышленных центрах Германии, где живут и борются главные массы германского городского пролетариата. В современной Германии мы должны не только в пропаганде, но и в массовой агитации пояснять уже не только авангарду, но и всей основной толще рабочей массы, что дело идет не о чем другом, как о диктатуре пролетариата или о диктатуре трудящихся городов и деревень. Время алгебраических формул для современной Германии прошло. Агитационные удобства должны отступить на задний плав перед потребностью полной ясности и договоренности. Решающий шаг должен быть сделан уже завтра же. Нужно, чтобы все участники борьбы могли назвать по имени тот строй, которого они добиваются. Все вещи должны быть теперь названы уже своими именами. Наступил момент, когда крушение мирных иллюзий стало основной предпосылкой успеха. Пришел момент, когда миллионы участников движения должны со всей брутальностью формулировать то, что до сих пор было на устах только у сознательного меньшинства.

Это не значит, что лозунг «рабоче-крестьянское правительство» снимается. Нет. Долг германского коммуниста—

суметь объяснить любому крестьянскому собранию, почему в союзе рабочих и крестьян рабочему, да еще в такой стране, как Германия,—должно принадлежать первое место. Он сумеет в простых бесхитростных словах доказать крестьянину, что этот последний сам заинтересован в том, чтобы во всю переходную эпоху борьбы с буржуазией у руля стоял городской пролетариат, собранный в количестве миллионов и миллионов в городах и единственно способный обеспечить победу. И он сумеет ему, вместе с тем, объяснить, а впоследствии делом доказать, что действительно коренные интересы широких масс трудящегося крестьянства защищаются именно рабочим классом.

В этом смысле лозунг «рабоче-крестьянское правительство» остается неизменным и «вечным». В этой общей форме он годится и в современной Германии.

Но, как в России накануне Октября самой популярной формулой стало «власть советам, диктатура пролетариата», так пробил час, когда эти же формулы должны стать самыми популярными в Германии. И в соответствии с этим изменится, само собой разумеется, и пропорция между другими, более частными лозунгами. Требование «захвата реальных ценностей», т.-е. требование частичной конфискации доходов буржуазии должно быть заменено требованием экспроприации крупной буржуазии. События имеют свою внутреннюю логику. Германская компартия правильно маневрировала, в общем, в течение всего подготовительного периода. Она сумела подтянуть основные массы рабочих к пролетарскому авангарду. Сейчас нужно делать второй шаг. Пролетарский авангард отдергивает последнюю завесу, скрывающую еще ближайшее будущее от широких масс. Пролетарский авангард твердой рукой указывает многомиллионным массам следующий, решающий этап борьбы. Пролетарский авангард первый бросается и в решающую минуту увлекает за собою на решающую битву весь рабочий класс.

IX.

Германская революция и русская контр-революция.

Внимание всего мира все больше и больше приковывается к событиям, назревающим в Германии. Только совершенно слепые люди не видят того, что в ближайшее время в Германии должна решиться судьба Европы, что переворачивается важнейшая страница в истории мировой революции, что назревают события, которые предрешают судьбу новейшей политической истории на долгие десятилетия.

Каждый класс, разумеется, реагирует по-своему на развертывающиеся в Германии события. Передовые рабочие всего мира ясно понимают связь германской революции с судьбами международного пролетариата. Если толща пролетарской массы еще не понимает этого ясно, то она чует это инстинктом. Западно-европейский капитал, в особенности французский, до последнего времени делал хорошую мину при плохой игре, изображал на своем лице беззаботную улыбку и прикидывался, будто «анархия» в Германии его не интересует. Но особенно энергично реагирует на происходящее в Германии буржуазно-помещичья русская контр-революция. Она не только встрепенулась, но и переживает настоящий ажиотаж. От победы контр-революции над германским пролетариатом русская буржуазия и помещики, изгнанные большой метлой в белогвардейскую эмиграцию, ждут своего спасения. И по-своему они совершенно правы. Если их что-либо еще может спасти, то только победа европейской буржуазии над германской пролетарской революцией.

Тщетно отдельные уравновешенные «советские» буржуа пытаются охладить пыл «братьев» белых эмигрантов. Эсеровская газета «Дни» (№ 276) сообщает:

«Пишет из России в Германию интеллигентный человек, столь далекий от большевиков, как и от жителей Марса: возвращайтесь скорее домой, мы уже здесь в тихой пристани, а у вас там только-только разгорается Октябрьский пожар». Над ним смеются.

«Он продал буржуазное первородство за чечевичную похлебку советской «тихой пристани». Он не понимает, что только поражение германского Октября может еще спасти русскую буржуазию и помещиков».

Чутко прислушивается к происходящему в Германии и газета вождя буржуазно-помещичьей эмиграции—Милюкова.

«Самое печальное для Германии это то, что политическая агония государства не встречает нигде смертельной тоски патриотического беспокойства. Рейхстаг еще бесславнее, чем российский предпарламент в октябре 1917 года» («Последние Новости», № 1027).

В Белграде собрался белый помещичий штаб. Здесь издается газета «Новое Время», перенесенная из Петрограда. В этой газете вы можете прочитать:

«Совершенно ясно, что если бы в Европе возникло решение свергнуть советскую власть и восстановить порядок в России, это было бы выполнено, главным образом, силами самой русской белой эмиграции. От Европы потребовались бы средства, техническое содействие, быть-может, охрана тыла, но вооруженная операция была бы, несомненно, произведена силами тех русских, которые пошли бы за великим князем Николаем Николаевичем и генералом Врангелем».

И далее:

«Допустим самое невероятное. Кадры русской армии генерала Врангеля распылились. Интервенция производится одними иностранцами. Даже и в таком, абсолютно неправдоподобном случае симпатии всякого русского патриота, совершенно независимо от его ориентации и политических взглядов, должны быть на стороне иностранцев. Разумеется, что если бы Европа решилась на вооруженную интервенцию, это

будет сделано не ради наших прекрасных глаз и не из сочувствия к нам, а исключительно потому, что интересы Европы того потребуют» («Новое Время», 20 августа 1923 г.).

Дело ясное: Европе, в связи с германской революцией, вновь понадобится вооруженная интервенция против СССР. Звезда Николая Николаевича и генерала Врангеля вновь взойдет высоко. Если европейской буржуазии удастся раздавить германскую пролетарскую революцию и ударить на Советскую Россию, «армия» Николая Николаевича и Врангеля вновь будет призвана на действительную службу против рабочих и крестьян России. Чтобы подготовить «общественное мнение» к этому давно ожидаемому моменту, то же «Новое Время» (№ 695) помещает поддельный манифест «к рабочим и пролетариям мира», якобы, подписанный «рабочими петроградских фабрик». В этом манифесте вы можете прочитать следующее:

«Горе нам! Мы были очень обрадованы, когда появилась нота английского правительства, и мы верили, что лорд Керзон будет нашим освободителем. Но надежды наши не оправдались. Теперь мы еще надеемся на наших союзников-французов, и в особенности на господина Пуанкаре. Мы надеемся, что французский народ поможет нам освободиться от наших кровавых угнетателей. Мы надеемся на Францию, Бельгию и Польшу».

Подделка грубая. Нужно придерживаться не особенно изысканных вкусов, чтобы решиться напечатать такую подделку. Но почему именно такая подделка оказалась ныне по сезону? Почему вдруг появился спрос на такие документы? Да ясно. В воздухе запахло жареным—новой интервенцией «Европы» против СССР.

Необходимо вызвать впечатление, что даже известные бунтовщики, рабочие петроградских фабрик, возлагают надежды на Керзона, Пуанкаре и на буржуазную Польшу. Каждому овощу свое время.

Зашевелился генерал Краснов.

«Чувствую, как бы слышу ваш вопрос, и не только ваш, но и многих казаков: когда? Отвечаю смело: скоро».

«Национальные идеи, губительные для коммунизма, охва-

тывают постепенно весь мир. Они появились в Италии, перекинулись на Болгарию, усиливаются в Баварии, постепенно охватывают Францию».

«Надо подождать, когда сорван будет красный флаг и заменен национальным. Надо подождать, когда на место Красной армии станет русская армия, а ее вождем — великий князь. Этот день не за горами» (перепечатано из листовки «Кубанец» в «Новом Времени» от 5 октября 1923 г.).

А чтобы не оставалось уже никаких сомнений, «Новое Время» поясняет:

«Да, только сильные люди могут делать нужную для своего народа политику и вести свою страну к преуспеянию, а не парламент. Таких сильных людей в Европе только трое: Пуанкаре, Пашич и Муссолини, и вокруг них и будет строиться пока политика Европы, ее политическая и экономическая жизнь».

«Если мир стоит на трех китах, то Европа тоже стоит на трех китах, и, пожалуй, четвертый кит, если явится, то нарушит равновесие Европы. Но для равновесия всего мира этот кит необходим не в Европе, а на границе Азии и Европы. Этот необходимый кит — национальная Россия» («Новое Время», № 726).

Зашевелилась вся белогвардейщина. Господин Милюков еще продолжает кокетничать с идеей осуждения новой интервенции. Но с каждым днем его «сопротивление» становится слабее. Он «вынужден» уступить своим оппонентам. Если бы только международной буржуазии удалось сломить спинной хребет германской пролетарской революции и двинуть буржуазную Польшу против СССР, то уж, конечно, не Милюкова придется долго уговаривать, чтобы он «согласился» на новую интервенцию.

Русские крестьяне, рабочие и красноармейцы должны знать, что наша судьба связана с судьбами германского пролетариата, и не только потому, что, как коммунары, мы сочувствуем борьбе трудящихся других стран. Нет. Мы заинтересованы еще кровно, как класс, стоящий во главе нашего государства. Расчленить Германию на несколько «независимых» государств, посадив во главе каждого из таких «госу-

дарств» своего послушного приказчика, перерезать пролетарский авангард, а затем через короткое время двинуть белую Германию против СССР,—вот план европейской буржуазии, возглавляемой господином Пуанкаре. Вот план, в расчете на который перестраивают свои ряды русская буржуазия и помещик, обретающиеся за границей, издающие «Новое Время», «Последние Новости», «Руль» и другие малопочтенные газеты. Европейская буржуазия и русская контр-революция считают, что белая Польша, белая Финляндия, белая Эстония, белая Латвия и белая Румыния наверняка сделают против русской революции все, что им прикажут. А вместе с этими государствами им удастся бросить после подавления германского пролетариата на русских рабочих и крестьян еще белую Германию и русских белых офицеров, живущих за границей и находящихся под командой генерала Врангеля и Николая Николаевича. Тогда дело будет выиграно...

Победа европейской буржуазии над германской пролетарской революцией неизбежно оживит борьбу русской контр-революции против русских рабочих и крестьян. Если бы Николаю Николаевичу и Врангелю, поддерживаемым международной интервенцией, действительно удалось ворваться в нашу рабоче-крестьянскую страну, это означало бы, что будет восстановлена власть помещиков, что земля будет отнята у крестьян и возвращена «законным» владельцам, что несколько поколений русских крестьян и рабочих будут вынуждены расплачиваться за царские долги, что белое офицерство попытается создать новую крестьянскую белую армию, чтобы заставить ее воевать против европейских рабочих. Объяснить эту нехитрую механику десяткам миллионов рабочих и крестьян всего нашего Союза Республик—вот основная и насущная задача дня.

А победа германской пролетарской революции—что может дать она рабочему и крестьянину нашего Союза Республик?

Идея союза Германии с СССР пользуется в Германии уже сейчас широкой популярностью и имеет миллионы сторонников. Пролетарская Германия с первых же дней своего существования заключила бы теснейший союз с СССР. Этот

союз мог бы принести неисчислимые выгоды трудящимся массам как Германии, так и нашего союза. СССР с его преобладанием сельского хозяйства и Германия с ее преобладанием промышленности как нельзя лучше дополняют друг-друга. Союз советской Германии с СССР представил бы собою могучую хозяйственную силу. Такой союз имел бы в своем распоряжении все хозяйственные ресурсы, какие только необходимы для процветания и советской Германии и СССР, начиная от всех видов сырья и кончая последним словом промышленной техники. Сельское хозяйство СССР выиграло бы в чрезвычайной степени от такого союза, ибо наша деревня получила бы на выгодных условиях необходимые ей сельскохозяйственные орудия, удобрения и т. д. Крупная промышленность в советской Германии выиграла бы в неменьшей степени, ибо она была бы в значительной степени обеспечена сырьем и рынком сбыта.

Союз с победоносной пролетарской германской революцией может быстро и радикально обезвредить опасные стороны нашего НЭП'а. Союз пролетарской Германии с Советской Россией создал бы новую фазу НЭП'а, ускорил бы и упрочил бы развитие нашей государственной промышленности и подрезал бы в корне тенденцию новой буржуазии занять господствующее положение в хозяйстве нашего Союза Республик.

Такой союз в высокой мере двинул бы вперед и дело поднятия культурного уровня среди самых широких слоев населения обоих стран. Этот союз имел бы неисчислимые прогрессивные последствия во всех областях общественной жизни не только для обеих стран, но и для всего мира.

Вот почему судьбы германской революции должны так глубоко интересовать рабочих и крестьян всего Союза Советских Социалистических Республик.

X.

Без иллюзий.

Германская революция вступает в свой самый суровый период. Надежды на возможность мирного разрешения кризиса изжиты после августовского стачечного движения (1923 года). Но одна иллюзия еще жила среди германских рабочих: надежда на то, что хотя бы «левая» с.-д. окажется по одну сторону баррикады с борющимся пролетариатом—против буржуазии. Смысл пройденного за последние недели этапа заключается в том, что и эта иллюзия теперь развеяна, как пыль.

Последние события научат хоть кого.

Бело-фашистский диктатор Кар занимает Баварию. Как отвечает на это официальная германская социал-демократия? Своими собственными руками она передает власть и диктатуру белым генералам во всей остальной части Германии.

Зато по отношению к Саксонии другая тактика. Здесь впервые, несмотря на величайшее сопротивление вождей, рабочим удается создать слабенькое «рабочее» правительство. Как реагирует на это официально германская социал-демократия? Социал-демократ Эберт дает все необходимые полномочия буржуазному премьеру Штреземану и белому генералу Мюллеру. Сидящий в коалиционном правительстве бок-о-бок с социал-демократами генерал Сект собирает 60.000 белых войск рейхсвера и бросает их против Саксонии. Берлинский председатель союза железнодорожников Шеффель «объясняет» железнодорожникам, что войска направляются вовсе не против Саксонии, а против Баварии, и принимает все меры к тому,

чтобы устранить малейшие препятствия для перевозки контр-революционных войск в Саксонию.

Когда войска находятся уже в Саксонии, когда контр-волюция держит уже руку на горле саксонских рабочих, тогда социал-демократы Дитман и Гильфердинг приезжают в Саксонию, чтобы вести «переговоры» с социал-демократом же Цейгнером.

Когда 21-го октября в Хемнице на съезде фабрично-заводских комитетов коммунисты, предвидя готовящуюся западню, предлагают немедленно провозгласить всеобщую забастовку, «левые» социал-демократы, во главе с «самим» Цейгнером, проваливают это предложение и тем окончательно расчищают дорогу генералу Секту.

Когда, наконец, дело сделано, и саксонское рабочее правительство разогнано, тогда на место социал-демократа Цейгнера во главе «нового» саксонского правительства становится тоже член социал-демократической партии Фелиш, к которому прибавляется старый с.-д. Липинский.

Когда возмущенные рабочие отправляют делегации в центральный совет германских профсоюзов, стоящий во главе этого почтенного учреждения, тоже социал-демократ, Лейпарт принимает эти делегации самым учтивым образом и обстоятельно «разъясняет» им, что профсоюзы не могут вмешиваться в политику (поддерживать фашистов и Штреземана— это, якобы, не значит вмешиваться в политику).

Когда берлинская с.-д. организация требует, чтобы центральный орган партии «Форвертс» из желтого стал красным, собираются правые и «левые» вожди с.-д. и выносят мудрое решение: утреннее издание «Форвертс» будет редактироваться попрежнему правыми, а вечернее издание «Форвертс»—левыми. Другими словами, по утрам центральный орган партии будет открыто защищать буржуазию и белых генералов, а по вечерам это будет делаться с оговорками.

В Гамбурге рабочие дрались, как львы. Немалое число рабочих-социал-демократов участвовало в боях против буржуазии с таким же героизмом, как и наши рабочие-коммунисты. Вожди социал-демократии помогли контр-революции залить кровью движение в Гамбурге, а с.-д. президент Эберт демон-

стративно наградил гамбургскую полицию за усмирение рабочих. И тот же «жест» вслед за этим повторили с.-д. сенаторы гамбургского парламента. Можно ли создать большую ясность?

Эберт, Носке, Вельс, Зеверинг, Цейгнер, Пауль Леви, Криспин, Розенфельд, Фелиш, Лейпарт, Липинский—чего хочешь, того проси!ь! Хороша галлерея типов!

Разделение труда великолепное...

Более гнусной измены международный пролетариат не видел еще до сих пор.

Одна из важнейших политических проблем, в сфере которой были еще недоговоренности, это и есть проблема отношения к социал-демократии, в особенности к так-называемой «левой» социал-демократии. Сколько ни проучены мы чудовищными изменами со стороны господ социал-демократов (достаточно вспомнить недавний болгарский пример и нынешний германский), мы все еще по инерции продолжаем считать социал-демократию рабочей партией, мы все еще недооцениваем ее контр-революционной сущности. Но нынешних германских уроков будет довольно для того, чтобы раз и навсегда радикально излечить германских коммунистов и всех нас от иллюзий в этом отношении.

Главные силы германских рабочих еще не участвовали в боях. Многомиллионные армии германского пролетариата в бой еще не введены. Выступления рабочих отдельных городов, происшедшие частью вопреки германской компартии, свидетельствуют только о том, как накалена атмосфера. Жгучая потребность рабочих вооружиться только теперь приобретает массовый характер. Решающие бои отодвигаются на некоторое время. Но они придут неизбежно. Чем больше иллюзий за это время потеряет массовик-рабочий, тем лучше для революции. Главнейшая политическая задача наших дней заключается в том, чтобы окончательно ликвидировать влияние германской социал-демократии правой, как и «левой», и тем расчистить дорогу для победы рабочих.

Германская социал-демократия расчистила дорогу фашистам для «мирного» завоевания власти. Фашистам при помощи германской с.-д. приходится «только» убивать сотни рабочих

наиболее крупных пролетарских центров. Но Германия—не Италия. Германский фашизм, хотя бы и поддержанный германской социал-демократией, не сможет разрешить элементарных неотложных задач, какие стоят перед Германией. Международное положение Германии не улучшилось от того, что «патриотическая» буржуазия и социал-демократия предали «независимое» Рейнское государство в руки Пуанкаре. Международный узел затягивается все туже. Экономическое положение Германии не улучшилось, а ухудшилось и будет ухудшаться с каждым днем. Основные факторы революции продолжают действовать. Потеряв свои последние иллюзии, германский пролетариат станет сильнее. Толща германского пролетариата, миллионы и миллионы рабочих поймут теперь то, что раньше понимали только передовики,—что решающая борьба возможна только вопреки и против контр-революционных вождей социал-демократии, что правые вожди с.-д. суть злейшие агенты буржуазной контр-революции, а «левые» вожди с.-д. суть только придаток к правым вождям.

Сколько времени понадобится на то, чтобы массы переварили политический опыт последних недель,—трудно сказать вперед. Но кризис назрел в такой степени, что развитие происходит с головокружительной быстротой.

* * *

А лозунг «рабочее правительство» (или рабоче-крестьянское правительство)? Какой свет бросает на этот лозунг саксонский опыт?

> „При всех своих крупных преимуществах лозунг рабочего правительства, как, впрочем, и вся тактика единого фронта, имеет тоже свои опасности. Чтобы избежать этих опасностей, чтобы уже сейчас бороться с иллюзиями, якобы, неизбежного этапа „демократической коалиции“, — коммунистические партии должны помнить следующее: всякое буржуазное правительство является одновременно и капиталистическим правительством. Но не всякое рабочее правительство есть действительно пролетарское социалистическое правительство“.

Так говорил IV Всемирный Конгресс Коминтерна в своей резолюции о рабочем правительстве. Саксонский опыт полностью подтвердил эти слова. В той же резолюции IV Конгресса мы читаем далее:

„Коммунистический Интернационал должен считаться со следующими возможностями:

1) Либеральное рабочее правительство.

Такое правительство существовало в Австралии. Такое правительство может возникнуть в недалеком будущем и в Англии.

2) Социал-демократическое „рабочее правительство“ (Германия).

3) Рабоче-крестьянское правительство. Такая возможность существует на Балканах, в Чехо-Словакии и т. д.

4) Социал-демократически-коммунистическое коалиционное правительство.

5) Подлинное пролетарское рабочее правительство, могущее быть осуществленным в чистой форме только коммунистической партией“.

В Саксонии мы имели перед собою 4-й тип «рабочего правительства», притом только в областном масштабе и в обстановке крайне сложной.

„Элементарнейшие задачи рабочего правительства должны состоять в том, чтобы: 1) вооружить пролетариат, 2) обезоружить буржуазные контр-революционные организации, 3) ввести контроль над производством, 4) свалить главное бремя налогов на имущие классы и 5) сломить сопротивление контр-революционной буржуазии“.

Всех этих предварительных задач, предусмотренных той же резолюцией IV Всемирного Конгресса, саксонское «рабочее» правительство выполнить не смогло. Социал-демократия сделала все от нее зависящее, чтобы помешать этому. Поэтому оно и погибло.

И все же германским коммунистам нечего раскаиваться по поводу проделанного саксонского опыта. При том положении вещей, какое сложилось, германские коммунисты не могли и не должны были уклониться от участия в саксонском правительстве. Они должны были показать и показали всем честным рабочим с.-д., что они г о т о в ы пойти, даже в меньшинстве, с социал-демократами, если эти последние согласны выполнить свои элементарные обязанности по отношению к рабочему классу. Провал саксонского «рабочего» правительства есть прежде всего провал «левой» социал-демократии.

Чем скорее, тем лучше.

Лозунг рабоче-крестьянского правительства остается верным. Облик германской социал-демократии остается прежним: откровенные контр-революционные палачи (правая), бессильный «новожизненский» придаток к ним (левая).

«Законченной диктатурой пролетариата является лишь подлинное рабочее правительство (тип 5-й), состоящее из коммунистов». Так гласит заключительная резолюция IV Всемирного Конгресса Коминтерна по вопросу о рабочем правительстве. Эти слова повторит теперь многомиллионный рабочий класс Германии. Что бы там ни было, а на улице германского революционного пролетариата будет еще праздник. Момент решительных боев не за горами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

События спешат с такой головокружительной быстротой, что не успевают высохнуть чернила на рукописи, как приходится уже оценивать новые факты громадной важности. В нашей брошюре мы не можем обойти несколько важнейших уроков последних недель.

Саксонский опыт. Вхождение коммунистов в саксонское правительство было задумано, как военно-политический эпизод, с целью завоевать для борющегося пролетарского авангарда известный плацдарм. Эта цель достигнута не была. Весь эпизод начинал походить на банальное парламентское сотрудничество коммунистов с так-называемыми „левыми“ с.-д. Чтобы опыт этот вышел удачным, нужно было немедленно же вооружить несколько десятков тысяч рабочих. Нужно было поставить на очередь вопрос о национализации крупной промышленности. Нужно было арестовать фабрикантов-локаутчиков. Нужно было немедленно приступить к созданию советов рабочих депутатов. А поскольку всему этому сопротивлялась так-называемая «левая» с.-д., нужно было с первых же шагов нашей деятельности безжалостно бичевать этих бесхарактерных Тряпичкиных. Всего этого сделано не было. И в этом большая ошибка партии. Теперь остается только использовать саксонский опыт для того, чтобы окончательно разоблачить действительную сущность левых социал-демократов.

Тактика единого фронта. Она явно вошла в новую фазу. Просто повторять зады в этой области значило бы тащить партию к новым политическим поражениям. Пришла пора, когда наша партия должна заявить открыто: мы отка-

зываемся от каких бы то ни было переговоров с Центральным Комитетом германской социал-демократии и с Центральным Правлением германских профсоюзов. С представителями буржуазии нам не о чем разговаривать. А господа Эберты, Вельсы, Зеверинги, Лейпарты являются не чем иным, как представителями контр-революционной буржуазии. Единство снизу—вот наш лозунг. Единый фронт в значительной степени уже осуществлен снизу, и только против указанных господ и можно его осуществить.

Отношение к „левым" с.-д. Если бы тов. Ленин в настоящее время работал в Германии, он, несомненно, сказал бы, что главными врагами пролетарской революции в настоящую стадию развития являются именно вожди «левых» с.-д. Так же, как в годы кризиса социализма (1914—18 гг.) главным врагом революционного марксизма было каутскианство, так и сейчас главным врагом революции в Германии является «левая» с.-д., повторяющая позорную историю независимых. Правые с.-д.—откровенные предатели. От них отшатнулся и отшатнется окончательно рабочий класс. А «левые» с.-д. своими фразами только прикрывают контр-революционную работу Эбертов, Носке и Зеверингов. Наша партия должна заявить категорически: она отказывается от каких бы то ни было переговоров с вождями «левых» с.-д. до тех пор, пока эти герои не найдут в себе мужества, по крайней мере, порвать с контр-революционной шайкой Эбертов и К°.

Локальные переговоры возможны и необходимы, ибо на местах мы видим в с.-д. организациях некоторую часть честных рабочих, желающих бороться с буржуазией. Мы за честную коалицию с такими рабочими, которые идут на разрыв с контр-революционной социал-демократией.

Гамбургский опыт. Теневая его сторона заключается в том, что он безжалостно вскрыл организационные нехватки в нашей партии и резко подчеркнул, что пока налицо еще нет элементарной технической подготовки. Но Гамбург вместе с тем показал, насколько созрела обстановка для решительных выступлений. Гамбург показал, что сочувствие значительных слоев мелкой буржуазии революционному пролетариату обеспечено. Гамбург показал, что коммунистические

рабочие умеют драться, как львы, и что при надлежащей политической и технической подготовке успех вне всякого сомнения.

Лозунг создания Советов рабочих депутатов. На грустные размышления наводит тот факт, что в дни существования рабочего правительства в Саксонии никто из коммунистов и не подумал о создании Советов. В Гамбурге перед выступлением также никто и не подумал о создании Советов. Пропаганды идеи Советов мы совершенно не видим. Опоздание в этой области чревато поражениями. Пора, давно пора поставить на очередь широкую пропаганду за создание Советов. Это не значит, что любой момент подходит для практического создания Советов. Создавать Советы уместно лишь в тот момент, когда движение поднимается к кульминационному пункту. Но начать такую же широкую пропаганду идеи Советов, какую мы начали в пользу идеи всеобщей забастовки, совершенно необходимо. Диктатура пролетариата в форме Советской власти — вот альфа и омега нашей агитации на ближайший и решающий период.

Единство партии. Пролетарская революция в Германии неизбежна. Основные факторы, вплотную подведшие Германию к неизбежности этой революции, продолжают действовать. Если даже фашисты возьмут власть в общегерманском масштабе, они при помощи белого террора продержатся лишь очень короткое время. Остающееся время нужно использовать для лихорадочной технической и политической подготовки. Одно только могло бы погубить германскую революцию—это разъединение в рядах коммунистической партии. Частичные неудачи и поражения неизбежно увеличивают трения в рядах партии. Но действительно твердые революционеры и сознательные коммунисты никогда не почтут такой момент подходящим для сведения внутрипартийных счетов. Единство внутри германской компартии должно быть обеспечено, во что бы то ни стало. Все остальное приложится.

6 ноября 1923 г.

Библиотека
Латина

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

I. Классически-пролетарский характер грядущей германской революции 9

II. Творимая легенда о „союзе" коммунистов с националистами . . . 17

III. Рабочий класс, коммунисты и социал-демократы 25

IV. Профсоюзы, фабзавкомы и советы рабочих депутатов 34

V. Внутренние трудности германской революции 42

VI. Внешние трудности германской революции 48

VII. Приближение германской революции и тактика единого фронта . . 55

VIII. Рабоче-крестьянское правительство, диктатура пролетариата . . . 62

IX. Германская революция и русская контр-революция 69

X. Без иллюзий 75

Послесловие 81

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

ГПП. Москва, Милютинский пер., 22.

КНИГИ О ГЕРМАНИИ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Зиновьев Г. Проблемы германской революции.
Радек К. Перед новой волной революционных потрясений.
„ Грядущая германская революция и рабочий класс России.
Стоклицкий А. Рур.
Павловский Е. Банкротство Германии.
Поль Кэтэ. Германия накануне Октября.
Энгельс Фр. Сила и экономика в образовании новой Германской империи.
Кантор Е. Германия прежде и теперь.
Какое нам дело до германской революции. (Крест. серия).

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Варга Е. Экономическое положение Германии.
Анжерви. Железо и франко-германские отношения.
Левый берег Рейна. Сборник статей.
Свитеран. Лотарингские границы и сила Германии.
Кампфмейер. Фашизм в Германии.
Вебер. Объединение германской интеллигенции.
Немецкие и русские крестьяне. (Крест. серия).
Русский хлеб и рабочая Германия. (Крест. серия).
Гражданская война в Германии. (Крест. серия).
Меньшой А. Мы с Вами в Берлине.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Вайсберг. Политико-экономическая география Германии.
Поль Кэтэ. Германия в эти дни.
„ „ Саксония и Тюрингия—аванпосты пролетарской борьбы в Германии.
Лившиц. Профсоюзы Германии перед революцией.
Раппопорт. Что потеряла Германия от Версальского договора.
Солнцев. Германия и Рур.
Мирошкин. Германская революция, крестьянство и сельскохозяйств. пролетариат.
Леонтьев. Германская коммунистическая партия.
Павлов. Промышленность и сельское хозяйство в Германии.
Панкратова. Фабзавкомы в Германии.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР и ВЦИК".

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА: МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

ГПП. Москва, Милютинский пер., 22.

КНИГИ О ПОЛЬШЕ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Бранд Е. Торжество и падение Пильсудского.

Кон Ф. Кризис буржуазной Польши.

„ Замыслы буржуазно-шляхетской Польши.

Красный Ю. Польский фашизм.

Шубин И. Париж — Варшава — Вильно — Польша и мы. (Крест. серия).

Польша и поляки. (Крест. серия).

Кому нужна вражда народов. (Крест. серия).

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Наши соседи. (Крест. серия).

Угнетение народов Польши. (Крест. серия).

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Мархлевский Ю. Современная Польша.

КНИГИ О ФАШИЗМЕ:

Аквиллно Дж. Фашизм в Германии.

Кампфмейер. Фашизм в Германии.

Кун. Фашизм в Венгрии.

Красный Ю. Польский фашизм.

Нин А. Профсоюзы и фашизм.

Цеткин Кл. Наступление фашизма и задачи пролетариата.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР и ВЦИК".

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:
МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

ГПП. Москва, Милютинский пер., 22.

А. ЛОЗОВСКИЙ.

ОНИ И МЫ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ВОЙНЫ

(Гаага и Франкфурт). Стр. 64.

СОДЕРЖАНИЕ: Они и мы в борьбе против войны. Резолюции Франкфуртской конференции. О вторжении в Рур и об опасностях новой войны. О борьбе против фашизма. О едином фронте. Манифест к рабочим всех стран.

„События последних лет и особенно великая мировая война и послевоенный период уяснили рабочему классу необходимость интересоваться международной политикой, и потому книга Лозовского, несомненно, окажется ценным вкладом в каждую рабочую библиотеку".

„Брошюра тов. Лозовского посвящена сопоставлению созванного реформистами Гаагского конгресса мира с Франкфуртской конференцией революционных рабочих организаций".

„Брошюра написана в форме доклада и читается очень легко. В приложении дан полный текст резолюций Франкфуртской конференции".

(„Труд", 14/IX-23 г.).

Цена 50 коп.

Н. ЛЕНИН.

Империализм, как новейший этап капитализма.

Стр. 110.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Империализм и капитализм. Новейший капитализм: 1) Концентрация производства и монополия. 2) Банки и их новая роль. 3) Финансовый капитал и финансовая олигархия. 4) Вывоз капитала. 5) Раздел мира между союзами капиталистов. 6) Раздел мира между великими державами. 7) Паразитизм и загнивание капитализма. 8) Критика империализма. 9) Историческое место империализма. Примечания.

Цена 30 коп.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

Сила и экономика в образовании Германской империи.

Содержание: От издательства. Предисловие издателя. 1) Стремление к объединению и его перспективы до начала 60-х годов. 2) Немецкая миссия Пруссии, Национальный Союз и Бисмарк в 1870—71 г. 3) Осуществление плана в 1870-71 г. 4) Аннексия Эльзас-Лотарингии. 5) Организация и расчленение новой Германской империи. Из календаря „Культуркампфа".

Цена 30 коп.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ, ЕЖЕДНЕВНО ПУБЛИКУЕМОМУ В „ИЗВЕСТИЯХ ЦИК СССР и ВЦИК".

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА: МОСКВА, Милютинский пер., 22.

1р. 50к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Милютинский пер., д. № 22.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

В МОСКВЕ: 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“— пл. Свердлова, 2-й дом Советов.

2. Б. Сухаревская пл., № 16.

В ПЕТРОГРАДЕ: Проспект 25 Октября, угол Фонтанки (быв. магазин Коминтерна).